
Виктор Курочкин
На войне как на войне

Виктор Курочкин

На войне как на войне

ПОВЕСТЬ

«СОВРЕМЕННИК»
МОСКВА
1984

Р2
К93

К $\frac{4702010200-274}{М106(03)-84}$ без объявл.

ББК84Р7
Р2

Незабвенному другу
Ванюше Кошелкину
посвящаю эту повесть

Двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот сорок третьего года Первый Украинский фронт перешел в наступление. На участке Радомышль—Брусилов оборону немцев прорывала 3-я гвардейская танковая армия. Первые три дня самоходный полк полковника Басова находился в резерве начальника артиллерии 6-го гвардейского танкового корпуса.

Самоходки закопались в лесу, куда они прибыли еще за два дня до начала наступления. Лес этот младший лейтенант Малешкин — командир СУ-85 — считал ни с чем не сравнимым убожеством. Немецкие летчики с артиллеристами так его обработали, что он просматривался насквозь — и с боков, и сверху.

Две ночи экипаж Сани Малешкина сидел под машиной в яме, около танковой печки. В яме было невыносимо жарко и дым безжалостно выедал глаза. Огонь в печке надо было поддерживать все время. Таков был приказ командира полка.

Последнюю ночь Саня не смыкал глаз до утра. Дежурство у печки он побоялся доверить даже заряжающему — ефрейтору Бянкину, самому опытному и толковому бойцу экипажа. Накануне в полку произошло ЧП. Экипаж Саниного приятеля лейтенанта Пашки Теленкова так усердно топил печку, что раскалил днище машины. Дюритовые соединения на трубопроводах обуглились и лопнули. Из мотора и баков вытекло все масло и горючее. Если бы полк не задержался в лесу еще на сутки по каким-то неизвестным Сане Малешкину причинам, Теленкову могли бы приписать умышленную порчу машины перед боем и отправить его в штрафную роту. Но Пашку пощадили. Впрочем, Пашка — парень действительно отчаянный, смелый, а самоходку вывел из строя потому, что уснул с экипажем и чуть сам не сгорел.

Младший лейтенант Малешкин подогревал свою са-

моходку осторожно и все время беспокойно ощупывал днище под мотором. По мнению Сани, температура была в самый раз, чтоб мотор завелся в одну секунду и самоходка, выскочив из ямы, ринулась в бой.

На войне младшему лейтенанту Малешкину пока что ужасно не везло. Вот уже полгода, как он на фронте, а еще не выпустил по врагу ни одного снаряда. На своей самоходке Саня догонял немцев по пыльным дорогам Полтавщины вплоть до Днепра. И вот тут ему, казалось, улыбнулось счастье. Но увы! Оно только улыбнулось — не больше. Во время переправы на Буклинский плацдарм, когда Санина самоходка уже вскарабкалась на паром, немец, словно нарочно, пустил всего лишь один снаряд, и он плюхнулся у парома. Никто не пострадал, кроме Малешкина. Осколком снаряда, словно гигантским топором, обрубило у пушки конец ствола. Нелепейший случай! А не будь его, Саня переправился бы на ту сторону реки и наверняка стал бы героем. По крайней мере он так думал. Впрочем, кто знает, может, и стал бы. В приказе командующего фронтом значилось, что первый воин — пехотинец, танкист, артиллерист,— ставший ногой на правый берег Днепра, получает звание Героя Советского Союза. А ведь Санина машина переправлялась первой.

Самоходку Малешкина стащили с парома и поволокли в тыл менять пушку. Ребята воевали, дрались за Киев, а он все это время сидел около пустого корпуса своей самоходки. За это Пашка Теленков присвоил ему звание «корпусного генерала». Оно так прилипло к Малешкину, что теперь редко кто называл его младшим лейтенантом.

Очередного наступления Малешкин ждал с нетерпением и твердо был уверен, что в конце концов он покажет себя. Всю эту длинную декабрьскую ночь Саня подогревал машину, размышляя о своей злосчастной судьбе, думал о предстоящих боях и мечтал об ордене. У всех ребят в полку были ордена, у Пашки Теленкова — три. А у Малешкина — ни медали, ни значка.

Под утро Саня чуть-чуть прикорнул и был разбужен зычным голосом комбата:

— Командиры машин, ко мне!

— Подымайся! Живо! — закричал Саня на свой экипаж, который вповалку спал на дне ямы.

Командир четвертой батареи капитан Сергачев в бе-

лом полушубке, туго стянутом ремнями, нетерпеливо постегивал прутиком по голенищу хромового сапога.

— Гвардии младший лейтенант Малешкин по вашему приказанию явился! — прокричал Саня, приложив к ушанке черную, как у трубочиста, руку.

Сергачев не то с удивлением, не то с презрением посмотрел на Малешкина.

— Шапку поправь, разгильдяй.

Саня схватился обеими руками за шапку, повернул ее на сто восемьдесят градусов, перетащил с бока на живот пряжку ремня и, став по стойке «смирно», без страха ел глазами командира. Весь его вид говорил: «Смотри, комбат, какой я сегодня молодец, не только шапку, но и ремень поправил».

Подбежал лейтенант Теленков и тоже доложил, что он явился.

— Машина готова? — вместо приветствия спросил комбат.

— Так точно, товарищ капитан! Всю ночь работали.

— Скажи мне спасибо, а то бы наверняка тебя под трибунал закатали.

Легко подпрыгивая, прибежал младший лейтенант Чегничка, стукнул каблуками и ловко вскинул к бровям руку. За ним не торопясь, развалисто подошел лейтенант Беззубцев и небрежно махнул рукой. Этого угрюмого, широкоплечего офицера на батарее побаивались и уважали. Он всем им годился в батьки, обладал невероятной силой и удивительным спокойствием. У Беззубцева была тяжелая нижняя челюсть, исковерканная осколком, квадратный нос и крохотные колкие глаза. Вздувшаяся на лбу синяя вена, словно веревка, стягивала его мысли. Вероятно, поэтому Беззубцева считали тугодумом.

Сергачев внимательно осмотрел свой комсостав и, кривя тонкие губы, усмехнулся:

— Ну и видик! От одного вашего вида немцы разбегутся куда попало.

— Пусть разбегаются. Мы к ним не на блины собрались,— проворчал лейтенант Беззубцев.

Малешкин, чтоб сгладить столь неучтивое отношение угрюмого Беззубцева к комбату, радостно воскликнул:

— Вы б посмотрели, товарищ капитан, на моего механика-водителя. Вот это видик! Черт чертом. Словно его из пекла вытащили.

Сергачев на столь важное замечание Малешкина не обратил внимания и приказал приготовить карту.

— А у меня ее нет,— пожаловался Саня.

— У тебя никогда ничего нет,— заметил комбат.

— А я виноват, что мне ее не дали? — обиженно протянул Малешкин.

Сергачев отлично знал, что Малешкину карты не досталось, и все же не упустил случая упрекнуть его в разгильдяйстве.

— Отмечаем по карте маршрут движения. Младший лейтенант Малешкин, достаньте бумажку и записывайте...

Саня схватился за сумку, которая болталась сбоку, и стал торопливо ее расстегивать. В сумке бумажки не оказалось. Вообще в ней ничего не было, кроме трех кружков печенья — остаток дополнительного пайка, который он вчера получил и вместе с экипажем в один присест уничтожил. Саня об этом знал и в сумку полез просто так, для отвода глаз комбата.

Сергачев перечислял села, мимо которых они должны были ехать, и названия их были очень знакомые: все те же Каменки, Боярки, Городища, Барановки. А сколько их за полгода проехал на своей самоходке младший лейтенант Малешкин! Потом мысли Сани перекинулись на самого себя. Он с тоской размышлял о том, отчего ему так не везет в жизни. Все над ним насмехаются, подтрунивают, что ни случись в полку — все сразу почему-то вспоминают Малешкина. До чего дошло — карты ему не дали! Всем хватило, даже командиру автоматчиков, а командиру машины, основной боевой единицы в полку, не досталось. А зачем этому автоматчику карта? Ведь он со своим взводом только и делает, что штаб охраняет.

Горестные размышления младшего лейтенанта Малешкина прервал голос комбата:

— Вопросы будут?

Саня вздрогнул и непроизвольно громко выпалил:

— Вопросов нет. Все ясно, товарищ капитан.

Пашка Теленков захохотал. Даже мрачный Беззубцев заулыбался, и хмурое лицо его стало необыкновенно ласковым и добродушным. Капитан Сергачев показал Малешкину кулак.

— На подготовку и завтрак — двадцать минут.

Когда Малешкин вернулся к своей самоходке, заря-

жающий с наводчиком сидели на верху машины под брезентом и курили. Они не обратили на своего командира никакого внимания. Это взорвало Саню.

— Чего сидите? — закричал он.— Встать!

Наводчик с заряжающим вылезли из-под брезента, неуклюже поднялись, переглянулись, пожали плечами.

— А где Щербак?

— На кухню пошел,— ответил наводчик.

— За завтраком,— пояснил заряжающий.

— Я вас не спрашиваю, ефрейтор Бянкин, зачем он пошел. Я спрашиваю, почему Щербак пошел, а не вы? — Саня передохнул. — Сколько раз запрещал отлучаться водителю с наводчиком. Почему не исполняются мои приказания?! — У Сани голос сорвался, и он последние слова просвистел фистулой.

Сержант с ефрейтором опять переглянулись и, как показалось Сане, усмехнулись нарочито оскорбительно.

— Сержант Домешек, прекратите корчить рожи и отвечайте на вопрос: почему не исполняются мои приказания?

Сержант Домешек, тощий одесский еврей с выразительными печальными глазами, принял стойку «смирно».

— Не могу знать, товарищ гвардии младший лейтенант.

— Ефрейтор Бянкин, почему не выполняются мои приказания?

— Почему? — Бянкин вздохнул, сдвинул шапку на лоб, со лба опять на затылок и, глядя на командира ясными, невинными глазами, пояснил: — Очень Гришка Щербак любит ходить на эту кухню.

— Даже больше, чем старый еврей в синагогу,— добавил Домешек.

От этого замечания у Сани не дрогнул ни один мускул, хотя кто знает, каких усилий ему это стоило. Он сердито посмотрел на своего наводчика.

— Отставить шуточки, сержант,— и хотел было четким командирским голосом отдать приказ на выступление. Но командирский запал у него уже иссяк. Саня широко улыбнулся и радостно сообщил, что через двадцать минут полк выступает, что наконец-то они выберутся из этого проклятого леса. Однако наводчик с заряжающим не разделили Саниного восторга. Фронтовая жизнь на-

учила их многому, и в первую очередь — не торопиться. Заряжающий с наводчиком стали сворачивать брезент. Появился Щербак с картонной коробкой, которую он держал перед собой обеими руками. Забыв про брезент, экипаж Малешкина наблюдал, как Щербак осторожно обходит упавшую сосну. Всех, конечно, интересовал не сам Щербак, а картонка. Поставив коробку у ног Сани, Щербак выпрямился, козырнул и, глупо улыбаясь, доложил:

— Водку и энзэ выдали, товарищ лейтенант. А чтоб два раза не ходить, я выпросил у чмошников коробку.

Чмошниками солдаты называли хозяйственников. В переводе это слово не выдержит никакой цензуры.

В коробке Щербак приволок два котелка супа, фляжку с водкой, хлеб, сухари, четыре куска сала, четыре банки свиной тушенки и кулек с сахаром. Саня, забыв про свое возмущение, искренне похвалил его за солдатскую смекалку, и экипаж здесь же, на несвернутом брезенте, сел завтракать. Выпили по сто граммов водки, закусили энзэновским салом, принялись за суп. У одного котелка пристроились наводчик с водителем, у другого — Саня с ефрейтором. Осип Бянкин почистил пальцем ложку и, навесив ее над котелком, ждал, когда командир приготовит свою. Но Саня, сколько ни шарил за голенищем, ложки там не находил. Не оказалось ее и в другом сапоге.

— Черт знает, куда она девалась,— пробормотал Малешкин, виновато посматривая на Бянкина.— Вчера, ты помнишь, была?

— Наверное, под машиной в яме валяется,— заметил ефрейтор.— Слазить посмотреть?

— Не надо. Я сам. Чего ты смотришь? Жри,— сердито приказал Малешкин и полез под машину.

Минут десять Саня рылся в песке и наконец нашел свою ложку на гусенице под опорным катком. Саня крепко выругался и закричал:

— Эй вы, черти, кто мою ложку под каток засунул?

— Я, наверное,— отозвался Щербак.

— Что же ты мне сразу не сказал?

— Забыл...

И прежняя злость на механика-водителя вспыхнула у Сани с еще большей силой.

— Ты вечно все забываешь.— Саня выполз из-под

самоходки и, держа ложку как пистолет, пошел на Щербака.— Я тебе запретил шляться на кухню. А ты опять забыл? Зачем потащился на кухню, а? Встать, разгильдяй, когда с тобой разговаривают!

Щербак поднялся и, сгорбясь, опустив голову, стоял перед командиром.

— Отвечай: почему пошел на кухню?

— За завтраком.

— А почему ты пошел?

— А кому-то все равно надо было идти.

— Не кому-то, а заряжающему! Я же приказывал!

— Приказывал,— как эхо, повторял Щербак.

— А почему же вы, Щербак, нарушаете мой приказ?

— А Бянкин мне сказал: «Бери котелки и топай на кухню».

— А кто здесь командир? Я или Бянкин? Отвечай мне, кто здесь командир, я или...

— Конечно, вы, товарищ лейтенант. И полно вам ругаться. Рубайте суп, а то совсем холодный будет,— сказал ефрейтор и потянулся к банке с тушенкой.

— Отставить тушенку, ефрейтор Бянкин. Разве вы не знаете, что это неприкосновенный запас! — прикрикнул Саня на заряжающего.

Ефрейтор покидал с руки на руку банку и, вздохнув, бросил ее в коробку. Саня, довольный тем, что Бянкин, которого он, откровенно говоря, побаивался, беспрекословно выполнил его приказание, уже не так грозно смотрел на водителя, и голос его сразу подобрел. Он еще продолжал ругать Щербака, но гнев его теперь звучал как награда собственному самолюбию. Впрочем, ругать Щербака можно было сколько хочешь. Он никогда не возражал, да и не обижался. Он чем-то напоминал старую, задубелую клячу, которую сколько ни бей, сколько ни кричи, она не оглянется и не прибавит шагу.

Бестолковый, неряшливый Щербак стоял, беспомощно опустив руки, и преданно смотрел на командира. Сане одновременно стало жалко водителя и стыдно за свой разнос. Но он не знал, как сменить гнев на милость. Малешкину хотелось сказать Щербаку что-нибудь доброе, теплое, но подходящих слов не находилось. И он сказал:

— Ты бы хоть рожу помыл. А то ведь ужас на кого ты похож.

Щербак понял, что командир выдохся, и охотно со-

гласился после завтрака помыться. Малешкин, доказав, какой он строгий командир, спокойно уселся хлебать остывший суп. Наводчик с заряжающим переглянулись и, втянув головы в плечи, хихикнули. Экипаж давно раскусил своего командира: вспыльчив, горяч, но отходчив, а вообще мягкий, как лен, хоть веревки вей.

Бянкин, видя, как командир вяло шевелит ложкой, заметил, что баланда сегодня жидковата. Саня, не чувствуя вкуса, утвердительно кивнул головой. Хотя суп был обычный — и наваристый, и довольно-таки густой,— Осип Бянкин руганул чмошников и, не спуская глаз с командира, вынул из коробки банку свиной тушенки. Подкинул ее, как мяч, поймал и поставил перед Саней. Домешек тоже взял банку и тоже ее подкинул.

— Ни-ни,— замотал головой Саня.

— Ну, товарищ лейтенант! — жалобно протянул Домешек.

Когда экипаж с командиром жил в полном согласии и дружбе, то повышал его в звании и величал лейтенантом.

— По уставу не положено,— сказал Саня.

Бянкин вынул из кармана нож.

— Лейтенант, неравно убьют, так зачем же добру пропадать.

— А если не убьют, то на тетушкином аттестате проживем,— заявил Щербак.

Саня помолчал, вздохнул и махнул рукой. Возражал он не потому, что был такой уж дотошный хранитель уставных норм, а просто потому, что был командир. И если бы заряжающий с наводчиком не проявили инициативы насчет тушенки, то он проявил бы ее сам.

Позавтракав, экипаж закурил и, покурив, нехотя поднялся и стал готовить машину к маршу. Свернули брезент и накрыли им снарядные ящики, которые были штабелем сложены над мотором самоходки. По обеим сторонам машины и сзади, над трансмиссией, лежали толстые бревна, к которым были привязаны бочки с горючим и маслом. Самоходный полк в составе 6-го корпуса 3-й гвардейской танковой армии после прорыва обороны немцев должен был выйти на оперативный простор. Об этом Малешкину не докладывали, но он сам догадывался, потому как машина его была загружена снарядами и горючим до отказа.

Саня лично проверял крепление бочек и боеуклад-

ку. Все было в порядке. Малешкин спрыгнул с машины, критически осмотрел ходовую часть. Ему показалось, что с правой стороны гусеничная лента сильно провисла.

— Гришка! — закричал Саня.

— Чего?

— Подтяни правый ленивец.

— Ладно.

Однако Щербак даже не пошевелился. Он сидел в машине и, не зная, что ему делать, тер пальцем стекло тахометра. Приказ командира донесся до него издалека, как эхо, он так же, как эхо, ответил: «Ладно». Механик-водитель не любил самоходку и боялся ее. Сокровенной мечтой Щербака было перебраться в ремонтную роту. Но перебраться туда не так-то просто, особенно когда сидишь за рычагами машины. «Вот было б счастье, если б фриц закатал болванку в моторный отсек: машине капут, и все живы».

В передний люк просунулось злое лицо Малешкина.

— Ты чего ж сидишь, обормот грязный! Я кому сказал подтянуть гусеницы? Ну, погоди, ты меня выведешь из терпения!

Щербак заторопился, стал искать натяжной ключ, приговаривая:

— Сейчас, сейчас, товарищ лейтенант, все будет в порядке.

Поиски ключа продолжались долго, наконец ключ был найден заряжающим Осипом Бянкиным. Втроем они стали подтягивать ленивец, но ленивец не поддавался: он был натянут до отказа.

— Надо выбрасывать трак,— заявил ефрейтор.

— Надо,— нехотя согласился с ним Щербак.

— Давайте выбрасывать. Бянкин, тащи паука с выколоткой,— приказал Саня.

Бянкин нагнулся, прищурясь, осмотрел гусеницу, ударил по ней каблуком и решительно плюнул:

— И так сойдет, лейтенант.

— А если свалится?

— Хрен свалится,— заявил Бянкин.

Авторитет ефрейтора в экипаже был непоколебим. Малешкин облегченно вздохнул. Выбрасывать траки — грязная и утомительная работа. А Саня с минуты на минуту ждал команду: «Заводи».

— Щербак, у тебя все готово? — отрывисто спросил Саня. Щербак козырнул:

— Так точно, товарищ лейтенант.

— У тебя, Бянкин?

Заряжающий пожал плечами:

— Мои снаряды всегда готовы.

— Домешек? Где наводчик?

Саня оглянулся. Домешек стоял сзади. Вид его испугал Саню. Вернее, он не увидел самого Домешка. Он увидел длинный белый, как у грача, нос и огромные белки, которые, казалось, вот-вот вывалятся из глазниц. Домешек протянул Сане руку:

— Вот...

— Что это? — спросил Саня.

— Чека... от гранаты.

Саня ничего не понимал, не понимали и Щербак с ефрейтором. Но всем вдруг стало страшно.

— Я проверял в сумках гранаты и не знаю как... вытащил чеку.— Домешек хотел улыбнуться, но вместо улыбки лицо его задрожало и сморщилось.

У Малешкина обмякли ноги, и все вокруг стало нереально маленьким и серым.

— Граната без чеки в сумке? — спросил ефрейтор.

Домешек кивнул и, схватившись за голову, сел прямо в снег.

— Почему же она не взорвалась? — вслух подумал Саня.

— Наверное, трубку взрывателя прижало. А то б она рванула.— И Бянкин зябко поежился.

— Что же теперь делать-то?

Саня по очереди посмотрел на своих ребят. Домешек сидел на снегу и тупо разглядывал ладонь, на которой лежала чека. Щербак, уставясь на самоходку, размазывал по лицу грязь. Ефрейтор Бянкин сворачивал цигарку и никак не мог свернуть: то просыпался табак, то рвалась бумага.

Малешкина сковал ужас. Его самоходка, родной дом, превратилась в огромную глыбу взрывчатки. Малейший толчок — капсюль-детонатор срабатывает, и... Саня закрыл глаза и увидел огромный взрыв, а на месте машины — черную яму. Он невольно попятился.

— Дела так дела,— протянул Бянкин; ему все-таки удалось свернуть папироску и закурить.

Малешкин взглянул на ефрейтора, который жадно

глотал дым, и протянул руку. Бянкин отдал ему окурок. Саня затянулся, обжег губы и опять рассеянно спросил:

— Что же делать-то теперь, а? Если взорвется машина, нам всем...— и не договорил.

Впрочем, все поняли и молчали. И в этом молчании младший лейтенант Малешкин почувствовал, что теперь все зависит от него. Он командир, он за все в ответе. Саня закрыл ладонью глаза, стиснул зубы.

— Сержант Домешек, вы сейчас пойдете в машину и достанете ту гранату. Понятно?

Домешек скорее удивленно, чем испуганно посмотрел на командира, словно спрашивая: «Ты что, шутишь, лейтенант?» — и наконец понял, что это не шутка, а приказ. Он поднялся, опустил руки и тихо по складам проговорил:

— Есть достать гранату.

С минуту он стоял, повесив руки и опустив голову, потом поднял ее, горько усмехнулся и пошел к машине. Когда он уже занес ногу на гусеницу, Малешкина обожгла мысль: если Домешек погибнет, ему тоже не жить. «Так зачем же и ему? Уж лучше один я». И Саня тихо позвал:

— Мишка.

Домешек через плечо посмотрел на командира.

— Вернись.

— Зачем?

— Назад! — грубо оборвал его Саня.

Домешек пожал плечами и вернулся.

— Я сам... Понимаешь, я сам.— Саня отвернулся от наводчика, посмотрел на корявую сосну с перебитой макушкой.— В какой сумке она?

— С левой стороны.

— Какая она?

— Не знаю, лейтенант. Я ее не видел. Когда я увидел в руке чеку, все забыл, ничего не помню, словно по затылку бревном ахнули...

— Значит, в левой?

— Кажется, в левой.

— «Кажется», «кажется»! Должен точно знать,— взорвался ефрейтор.— Лейтенант, давай я ее достану?

— Нет... Я сам.

— Разрешите. Для меня эти гранаты раз плюнуть.

— Ефрейтор! — И Малешкин так посмотрел на заря-

жающего, что у того сразу отпала охота настаивать. Бянкин посоветовал лейтенанту снять фуфайку.

— Без нее удобнее,— сказал он.

Саня стащил фуфайку, бросил ее на снег, потом снял шапку и тоже швырнул, подошел к машине, вскочил на нее и взглянул в открытый люк. Оттуда на него дохнуло холодом. Он оглянулся на ребят, хотел улыбнуться, помахать им рукой, сказать что-нибудь доброе, но улыбки не получилось, рука не поднялась, и сказал он то, что надо было сказать:

— Отойдите от машины подальше. А то взорвется, и вам будет хана.— Последних слов Саня не хотел произносить, они сами неожиданно соскочили с его губ, и Малешкин почувствовал, что он немеет от страха.

— Господи, помоги! — прошептал гвардии младший лейтенант Малешкин и спустил ноги в люк, как в могилу.

Саня не помнил, как он разыскал гранату, как осторожно и цепко ухватил ее за взрыватель и вынул из сумки.

Когда Саня вылез из машины и вытер с лица пот, который был холоднее родниковой воды, он опять увидел мир, огромный и прекрасный, хотя над лесом висело сырое, тяжелое декабрьское небо. Саня поднял вверх гранату и закричал:

— Ребята! Вот она!

Ребята подошли и боязливо покосились на гранату, которую Малешкин так сжал, что побелели пальцы.

— Забрось ее вон туда, в кусты,— посоветовал Домешек.

Но Саня категорически отверг это разумное предложение, сказав, что на взрыв сбегутся и опять припишут батарее ЧП.

— Вставить на место чеку. Вот и все,— сказал Бянкин,— Мишка, давай чеку.— Ефрейтор подул на чеку, обтер об ватник и подступил к командиру.

— Где там дырка?

Малешкин протянул заряжающему руку с гранатой.

— Что же ты зажал дырку? Раздвинь пальцы!

— Не могу.— Саня спрятал гранату за спину.

— Почему? — удивился ефрейтор.

— Боюсь.

Бянкин попытался отобрать у Малешкина гранату.

— Ладно, черт с тобой. Держи крепче взрыватель.

— А ты что будешь делать? — испуганно спросил Саня.

— Ничего. Держи.

Саня не успел сообразить, в чем дело, как Бянкин отвернул от взрывателя гранату.

— А теперь бросай взрыватель.

— Куда?

— В снег. Да чего ты боишься?

Саня бросил. Взрыватель, описав дугу, упал в снег. Все ждали взрыва, а его не было.

— Что за хреновина? — удивленно протянул Домешек.

Бянкин поднял взрыватель, подергал трубку.

— Брак!

Заряжающий с наводчиком принялись дико хохотать, к ним присоединился и Щербак.

Домешек схватил Малешкина за руку.

— Я по этому поводу расскажу анекдот...

Анекдота наводчик рассказать не успел: появился комбат и приказал выводить машину на дорогу.

На другом конце леса, как молотилка, застрекотала самоходка, к ней присоединилась вторая. «Первая батарея уже заводит», — догадался Малешкин и стал торопливо натягивать фуфайку. Затрещал и защелкал мотор командирской машины, и в ту же секунду за кустами взвизгнул стартер и, как пушка, захлопала самоходка Пашки Теленкова. Справа с надрывным воем выползала из ямы машина Чегнички. Сам он пятился перед ней, махал руками, грозил кулаком и показывал пальцем то на одну, то на другую гусеницу. Теперь весь лес стрекотал, трещал, хлопал, выл... Сизый вонючий дым по стволам искалеченных сосен пополз к такому же сизому сырому небу, смешался с ним, и ничего не стало видно.

Саня, прикрывая лицо руками, стоял перед люком механика-водителя и ждал, когда тот запустит мотор. Стартер визжал, выл, как сирена, а мотор не заводился. Саня в конце концов не выдержал, подскочил к люку.

— Почему не заводится, а? Ты что, меня угробить хочешь?!

— Аккумуляторы сели, — ответил Щербак.

— Отчего ж они сели? Вчера заводил, а сегодня сели?

— Потому что вы всю ночь рацию гоняли! — закричал Щербак.

Саня опешил. Такого он от Щербака не ожидал. Малешкина затрясло от обиды.

— Ты чего валишь с больной головы... Не подготовил машину, а теперь валишь. Ну погоди, я с тобой разберусь,— зловеще прошипел Малешкин.

— Не очень-то, лейтенант, разоряйтесь! А что вы все время музыку слушаете — факт, и никуда не попрешь,— заявил механик.

Действительно, против этого факта переть было некуда. Радио он любил и частенько часа по два гонял рацию, хотя знал, что от этого аккумуляторы разряжаются. Саня с тоской посмотрел в глаза механика-водителя. Они от гнева округлились и пожелтели, стали как медные пуговицы.

— Давай еще попробуй, Гриша,— попросил Саня.

Щербак попробовал, и металлический пронзительный звон ударил Малешкина по ушам. Однако мотор не завелся.

— Эх ты, механик-водитель,— простонал Саня.

— Садитесь сами и заводите,— огрызнулся оскорбленный механик-водитель.

Ах, если б Саня умел! Разве бы он не завел? Но Саня не знал мотора и не умел его заводить, в боевой машине за рычагами сидел всего два раза в училище на танкодроме, а то все время упражнялся на учебных да на макетах. Попав на фронт, он целиком доверился механику-водителю. Как в эту минуту он жалел, что так бесшабашно относился к технике! «Выйдем на формировку — не отойду от машины, изучу ее до винтика и научусь водить». Дав себе такой обет, Саня попросил Щербака попробовать в последний раз. Попробовали, и ничего не вышло. Подошел ефрейтор Бянкин.

— Лейтенант, может, воздух попал в систему?

— А может, и в самом деле! — Саня ухватился за этот «воздух», как утопающий за бревно, и крикнул наводчику, чтобы тот спустил из топливной системы воздух.

Домешек давно успел все приготовить к маршу. Закрепил пушку, чтоб она не болталась, на казенник натянул чехлы, поудобней приспособил сиденье. И теперь, наблюдая, как Щербак мучается с мотором, злорадно думал: «Так ему и надо». Он не любил Щербака за тру-

сость, лень и наплевательское отношение к машине и твердо был уверен, что это для них когда-нибудь кончится очень печально. Всегда веселый, неунывающий, Мишка Домешек в последние дни скис и почти перестал рассказывать свои анекдоты.

— Мишка, выпусти из системы воздух! Там есть краник, поверни вправо! — кричал младший лейтенант Малешкин. Сам он толком не знал, где этот краник находится, но знал, что он есть и что повернуть его надо вправо.

Наводчик же отлично знал этот краник, и поворачивать его ему приходилось тысячу раз еще до младшего лейтенанта Малешкина. Домешек полтора года сидел в танке. Когда после госпиталя его направили в самоходную артиллерию, он несказанно обрадовался, что наконец-то избавился от «братской могилы четырех» — так называли танкисты свою машину. Но когда его посадили в самоходку, которая почти не отличалась от танка, Домешек, горько усмехнувшись, сказал: «Нельзя желать того, чего не знаешь... На войне как на войне».

Наводчик повернул краник, спустил на днище машины сто граммов газойля. Щербак нажал кнопку стартера, он дзинькнул, и мотор завелся с таким остервенелым хлопаньем, что у Сани чуть не лопнули барабанные перепонки.

Щербак со страшным скрежетом воткнул первую скорость и дал такой газ, что машина пробкой вылетела из ямы. Саня едва успел отскочить в сторону, а Домешек, проклиная дурака водителя, завалился на снаряды.

Малешкин пятился перед самоходкой, показывая Щербаку то на одну, то на другую гусеницу. Спиной дошел он до канавы на окраине леса, перепрыгнул ее и стал обеими руками махать водителю, что означало: «Давай смело вперед, через канаву». Но самоходка стояла перед канавой, а Щербак ожесточенно ругался. Саня бросился к машине.

— Опять? Что?

— Лопнула тяга левого фрикциона.

— Почему же она лопнула? — со слезами на глазах спросил Саня.

— Лопнула, и все,— ответил Щербак.

— Ну и гад же ты, Гришка! Мерзавец,— сказал Домешек.— «У меня все готово»... Подлец!

Подошел Бянкин и, узнав, в чем дело, мрачно засопел.

— Слушай, Щербак, а ведь ты доиграешься.

— Я виноват, что она лопнула?! — истошно заорал водитель.

— А кто же? Конечно, ты,— поддержал ефрейтора Домешек.— Ладно, лейтенант. Если что, мы скажем, какой он механик-водитель и как он к машине относится.

— Факт, командир здесь ни при чем,— добавил Осип Бянкин.— А перед наступлением за такие штучки... — И ефрейтор выразительно щелкнул языком.

У Щербака испуганно забегали глаза.

— Вы что, ребята, с ума сошли? Думаете, я ее нарочно сломал? Ей-богу, она сама сломалась!

— Почему же ты перед выездом не проверил, а доложил лейтенанту: «Все готово»? — спросил Домешек.

— Да, почему ты доложил: «Все готово»? — повторил Саня.

— Ну что вы на меня все навалились? Подумаешь, тяга! Да я ее сейчас, в одну минуту... Одну минуту, и поедем, товарищ лейтенант.— Щербак выскочил из машины, забегал вокруг нее, с грохотом открывая ящики с инструментом, бросился назад, к яме, где раньше стояла самоходка, и вернулся с толстым концом проволоки.

Щелкая по сапогам прутиком, короткими, отрывистыми шажками к машине подошел капитан Сергачев.

— Опять у Малешкина не слава богу,— усмехнулся комбат.

Всех боялся Саня, а капитана Сергачева особенно. В полк Сергачев прибыл недавно, и его сразу же назначили командиром четвертой батареи, на место уехавшего в академию старшего лейтенанта Танеева. С приходом Сергачева для Сани настали черные дни. Капитан с первого взгляда невзлюбил младшего лейтенанта Малешкина, придирался по любому пустяку, а в последнее время все чаще грозился снять Малешкина с машины, отчислить из батареи и отправить в резерв. Это для Сани было подобно смерти. Жить без самоходки, без своих ребят он уже не мог.

— Почему стоим, Малешкин?

Саня съежился, как от удара.

— Тяга лопнула.

— Что? Какая тяга?

Бянкин хмуро посмотрел на комбата.

— Бортового фрикциона.

— Сейчас поедем. Один секунд, товарищ комбат! — крикнул из машины водитель.

— Ни у кого не лопнула, а у Малешкина лопнула. Вот навязали мне на шею командира,— желчно, не разжимая зубов, процедил капитан Сергачев и, резко повернувшись, пошел от машины, четко чеканя шаг.

— Это еще неизвестно, кого кому навязали. Ишь зачикилял, как принцесса Турандот,— сказал Домешек.

Бянкин неожиданно сорвался с места и побежал за комбатом. Догнав, стал что-то говорить ему, энергично размахивая руками.

Саня смотрел на них и думал, что Сергачев наверняка отнимет у него самоходку. Настроение было отвратительное. Ничего не хотелось делать, и ничто не радовало, даже предстоящий марш, наступление, бои, к которым он так рвался.

— Над чем, лейтенант, задумался? — окликнул его наводчик.

— Да так. Ужасно все плохо, Миша,— пожаловался Саня.

— Не унывайте, лейтенант, еще будет и хуже.

Саня вздохнул:

— Веселый ты парень, Мишка, отчаянный!

Домешек удивленно вскинул на командира свои большие, с тяжелыми веками глаза и очень серьезно спросил:

— Это я-то веселый, отчаянный? — и обнял Малешкина.— Сейчас, Сан Саныч, я вам по этому поводу расскажу заплесневелый анекдот.

Саня приготовился слушать. И на этот раз Мишка не успел рассказать свой заплесневелый анекдот. Из люка высунулась грязная рожа Щербака и, скаля зубы, объявила:

— Готово. Поехали.

Самоходка переползла через канаву, Саня с Домешеком вскочили на нее, и машина покатила по дороге.

Полк Малешкин догнал на северной окраине леса. Он стоял, вытянувшись в походную колонну, и чего-то ждал. Саня пристроился в хвост и тоже стал чего-то ждать.

Настроение у младшего лейтенанта Малешкина те-

перь было превосходное. Машина готова к бою хоть сейчас. История с гранатой прошла так удачно, что и комбат не узнал. Саню все радовало, даже это хмурое утро. Он готов был расцеловать и веселого наводчика, и умного Осипа Бянкина, а заодно и Гришку Щербака. За то, что механик-водитель в какие-то десять минут устранил такую сложную неисправность, Саня простил ему сразу все грехи и пороки.

Прошло полчаса. Колонна продолжала стоять. Сверху посыпался снег, мелкий, как крупа. Стало подмораживать. Экипаж уселся на жалюзи и накрылся брезентом. Саня залез в шубу. Шуба это тоже была своего рода реликвией полка. Ее привез начальник штаба майор Кенарев из Монголии и сдал на склад помпохозу Андрющенке. Когда в полк привезли легкие романовские полушубки и стали одевать в них офицеров, Сане не досталось полушубка. Помпохоз выдал ему этот тяжелый, как воловья шкура, монгольский тулуп. В него можно было завернуть двух лейтенантов Малешкиных.

— Чего стоим? Чего стоим? — сердито спросил себя Саня.

Его окликнул ефрейтор Бянкин:

— Лейтенант, узнай, когда тронемся. Может, еще обедать тут будем.

Саня сполз с машины и пошел вдоль колонны. Шел, переваливаясь с боку на бок, а сзади волочилась шуба, заметая его следы. Саня миновал свою батарею — никого из командиров не было, третью — тоже, вторую...

Комсостав полка собрался у самоходок первой батареи. Еще издали Малешкин услышал дружный хохот.

«Наверное, надо мной...» — поморщился Саня, но не изменил ни походки, ни важного вида. Он знал, что сейчас опять начнется комедия и главную роль в ней будет исполнять он, гвардии младший лейтенант Малешкин. Саня и сам не понимал, почему это так получалось. С экипажем он был строг и всячески стремился держать на высоте престиж командира. А как попадал в общество офицеров, совершенно терялся.

Когда Саня приблизился, круг офицеров разомкнулся, вперед выскочил лейтенант Наценко и громко доложил:

— Товарищ генерал Малешкин, полк в полном составе к маршу готов!

У всех, видимо, было отличное настроение, поэтому хохотали так громко и долго, что Сане стало не по себе. Смеялись все: и командир полка Басов, и начальник штаба, и даже пожилой строгий замполит полковник Овсянников. Когда смех наконец смолк, Овсянников сказал:

— А что? К пятидесяти годам Малешкин вполне может быть генералом.

Саня быстро взглянул на замполита и потупился. Даже этот серьезный человек, которого он очень уважал, смеется над ним.

Сергачев с нескрываемым презрением посмотрел на Малешкина и сказал:

— Пусть этот «генерал» расскажет, как вынимал из машины гранату. Чуть в штаны не наложил.

У Сани из глаз покатились желтые кольца. Такого удара в эту минуту он никак не ожидал.

— А зачем он ее вынимал? — спросил Басов.

— Не знаю. Он мне не докладывал,— ответил капитан.

— Малешкин, в чем дело? — строго спросил полковник.

Саня, как рыба, хватил ртом воздух и начал рассказывать. Он хотел посмешить, но шутки не получилось. Рассказ произвел угнетающее впечатление.

— Вы говорите, Малешкин, что наводчик дотронулся до гранаты и чека сама вывалилась? — прервал молчание майор Кенарев.

— Так мне сказал наводчик,— ответил Саня.

— А сколько в сумке гранат?

— Шесть.

— И все со взрывателями?

— Все.

Начальник штаба повернулся к Басову:

— Во время движения машину трясет, усики, вероятно, разогнулись, и чека свободно вывалилась. Но ведь какая случайность! А если б не испорченный взрыватель?

Полковник Басов вынул из кармана платок, вытер им лицо и шею.

— Капитан Сергачев, почему вы об этом сразу не доложили?

Сергачев пожал плечами:

— Я этому не придал значения.

— Вот как,— выдавил Басов.— А вот Малешкин придал этому значение.

— Мне об этом рассказал заряжающий.— Сергачев вытянулся и щелкнул каблуками.

Басов уставился на Саню:

— Малешкин, почему вы не доложили комбату?

Саня опустил голову и так сжал зубы, что никакая сила не смогла бы их разомкнуть. Что будет, то пусть и будет. Все смотрели на Малешкина, а он, опустив голову, упорно молчал. И вдруг Пашка Теленков громко сказал:

— Он боится комбата, товарищ полковник. Комбат Сергачев все грозится снять его с машины.

— Как это снять? — недоумевая, переспросил Басов и с интересом посмотрел на Сергачева.

Теперь все смотрели на капитана. Сергачев вскинул подбородок и заговорил твердо, не спуская глаз с полковника:

— Снимать с машины командира у меня нет прав. Я имею в виду, товарищ полковник, подать вам рапорт, чтоб убрали с батареи младшего лейтенанта Малешкина. Я его подам после боевых действий.

— Почему?

Сергачев удивленно вскинул брови, как бы давая этим понять, что вопрос крайне странен.

— Вы сами видите, товарищ полковник, какой Малешкин командир. Шут гороховый.— Капитан усмехнулся одними губами.

Командир полка побагровел:

— Я вас, капитан, спрашиваю не о причинах. Я спрашиваю: почему вы хотите его снять не перед боем, а после? Вы считаете его плохим командиром?

Сергачев четко щелкнул каблуками:

— Так точно.

— Тогда почему же вы с плохим командиром решились идти в бой?

Стало так тихо, что было слышно, как в головной самоходке работает радиостанция.

— Странная логика у капитана Сергачева,— задумчиво промолвил замполит Овсянников.

— Вы недавно на фронте? А до этого где служили? — как бы между прочим спросил полковник Басов.

Сергачев побледнел и растерялся.

— В Нижнем Тагиле. В учебном полку.

Саня заметил, что комбат не знает, что делать ему со своими руками. Капитан старался держать их строго по швам, но пальцы невольно хватались то за ремень, то за планшетку.

Командир полка о чем-то тихо переговорил с начальником штаба, и майор Кенарев объявил: комбатам остаться, а командирам машин разойтись по своим местам и немедленно снять с гранат взрыватели.

Саня Малешкин уныло поплелся к самоходке. Теперь он твердо был уверен, что надо собирать вещевой мешок и отваливать в резерв. Его догнал Пашка Теленков и дернул за воротник шубы.

— Санька, а ты не знал, что взрыватель порченый? — спросил Пашка.

— Откуда я знал?

— Ей-ей, не врешь?

Саня обиделся:

— А чего мне врать?

— Смелый ты мужик. Я не полез бы за этой гранатой.

Саня подозрительно скосил на приятеля глаза.

— Ни за что бы не полез! — решительно заявил Пашка и хлопнул Саню по спине. — Храбрец ты, Малешкин!

Сане это очень польстило, и он решил отплатить той же монетой.

— А сам-то какой? Один против шести «тигров» сражался.

— Ну, сравнил. «Тигры» — другое дело. А тут верная амба. Ты сам не представляешь, какой ты отчаянный!

Саня грустно улыбнулся.

— Отчаянный... А с машины все равно снимут.

— Чудак ты! Нашел о чем горевать.— Пашка взял Малешкина за воротник шубы и сильно встряхнул.— Не дрейфь, Саня! Все, что ни делается, все к лучшему.— И, оставив Малешкина в недоумении, побежал к своей самоходке.

Саня смотрел ему вслед и думал: «Треплется Пашка или взаправду?» И в конце концов решил, что треплется. Нахватал орденов, вот и ломается. Знает, что его с машины ни за что никто не снимет. А если б сняли, небось как сумасшедший бы забегал. «А меня снимут! Кому нужен такой неудачник? Боже мой, как мне не везет!»

У Сани так больно защемило сердце, что он поти-

хоньку застонал. Мысль, что через десять — пятнадцать минут придет капитан Сергачев и грубо объявит: «Малешкин, собирай манатки и хиляй в резерв»,—теперь ни на секунду не оставляла младшего лейтенанта. Ему было так тяжело и тоскливо, что хоть ложись на дорогу и помирай.

Он подошел к самоходке и равнодушно посмотрел на нее. Самоходка, задрав вверх тупое, с длинным носом рыло, казалось, к чему-то принюхивалась. В открытые люки сыпался снег. Саня хотел крикнуть: «Эй, закройте люки!» — но, подумав, что теперь он тут не хозяин, махнул рукой.

Экипаж по-прежнему сидел под брезентом. Домешек что-то рассказывал.

С каким удовольствием Саня посидел бы сейчас с ними! И Малешкина, как волна, захлестнула обида и на комбата, и на командира полка, и на замполита, и на Домешека с заряжающим — на всех, кому в эту минуту было лучше, чем ему.

— За что? За что? Что я им плохого сделал? — прошептал Саня, и из глаз у него посыпались горькие, злые слезы.

Экипаж закурил. Из-под брезента пополз сизый махорочный дым. Бянкин закашлялся с надрывом, как старик, и, откашлявшись, прохрипел:

— Интересно, мы когда-нибудь поедем?

— А куда торопиться? — спросил Щербак.

— Гришка мудр, как змий,— заметил Домешек.

Щербак зевнул:

— Пока стоим, повара могли бы уже и кашу сварить. Да разве чмошники пошевелятся?

— А наш командир ничего, не из трусливых,— задумчиво проговорил ефрейтор Бянкин.

Саня притаился и смахнул ладонью слезы.

Щербак презрительно хмыкнул.

— А ты бы полез за гранатой? — закричал на него Домешек.

— Приказали б — и полез.

— «Полез»! — передразнил водителя ефрейтор.— У самого от страха шары на лоб вылезли.

Щербак обиделся не на шутку.

— Вы меня видели в бою? Не бойтесь — Щербак не подведет. Машина, как ласточка, будет носиться вокруг «тигров».

— Дай бог доехать до них! — серьезно сказал ефрейтор. — Ты думаешь на этой проволоке далеко уехать?

— У первого подбитого танка сниму тягу и поставлю.

— Проще пойти в техчасть, взять эту тягу и поставить.

— Конечно. Два часа уже стоим. Не выйдет из тебя, Гришка, путного водителя. Ни хрена не выйдет,— заключил Домешек и вылез из-под брезента.

— Лейтенант, долго мы еще здесь стоять будем?

Саня тяжко вздохнул:

— Не знаю.

Ефрейтор выразительно посмотрел на Щербака. Тот взмахнул руками, спрыгнул с машины и, сгорбясь, побежал в техчасть. Саня невольно улыбнулся:

— Здорово вы его продраили.

— Ничего, лейтенант, мы его обстругаем — гладенький будет! — весело крикнул Домешек.

Если бы эти слова Саня услышал час назад, как бы он радовался. Теперь же ему от них стало невыносимо больно. Поборов слезы, он приказал наводчику немедленно вывернуть из гранат взрыватели и сложить их отдельно в коробку. А чтоб приказание звучало весомее, добавил:

— Это приказ командира полка.

Наводчик гаркнул: «Есть!» — и нырнул в люк. Силы, которые Саня собрал, чтоб отдать приказание, мгновенно покинули его. Он привалился спиной к самоходке, тоскливо посмотрел на лес, на ворону, которая снялась с сосны и, лениво махая крыльями, полетела над полем, почти задевая брюхом снег. Так она летела вплоть до рыжей скирды и только над ней взмыла, усéлась и замерла.

— Лейтенант, что с вами? — спросил Бянкин.

Саня вздрогнул и торопливо ответил:

— Так... ничего... А что?

— Да вы как будто не в себе.

У Сани невольно сморщилось лицо и дрогнули губы.

— Ты доложил комбату о гранате?

— Я. А что?

— Так, ничего... Правильно сделал.

Повернувшись спиной к заряжающему, Саня пошел вдоль машины, остановился у люка механика-водителя и долго смотрел на запорошенный снегом лист брони,

и потом, сам не зная для чего, аршинными буквами написал на ней пальцем: «МАЛЕШКИН». Заряжающий взобрался на самоходку и стал передвигать снарядные ящики. Саня не понимал, зачем он это делает; видимо, не понимал и сам заряжающий.

От головы колонны на разные голоса покатился крик: «Лейтенанта Беззубцева к начальнику штаба!» Ефрейтор Бянкин во всю мощь своих легких с каким-то озорством заревел:

— Лейтенант Беззубцев, к начальнику штаба!

— Чего ты орешь, идиот? Беззубцев уже давно в штабе, а ты орешь,— сказал, вылезая из машины, Домешек.

— Да так! Скучно, холодно! — Бянкин замолотил по броне каблуками. — Самоходочка моя окаянная, поговорим с тобой, ненаглядная. Эй, лейтенант, добьем энзэ?

Саня махнул рукой.

— А вы?

— Не хочу.

— Потом захотите. Мы вам с Гришкой оставим.

Наводчик с ефрейтором уселись добивать энзэ. Саня как неприкаянный обошел самоходку. Сержант с ефрейтором ели тушенку и так громко чавкали, что Малешкину стало невмоготу. Он влез на самоходку, сел на ящик. Ефрейтор вскрыл ножом банку и, услужливо подавая лейтенанту, напомнил:

— Гришку не забудьте.

Вкуса консервов Саня не чувствовал, и ел он их не потому, что был голоден, а потому, что не знал, что делать, куда деваться.

Бянкин, развалясь на ящиках, закурил, посвистал и вдруг неожиданно объявил, что после войны вернется в свою деревню и женится на соседке вдове. Когда Домешек поинтересовался, почему именно на соседке, да еще на вдове, ефрейтор сказал: потому что у нее убили мужа. На такой резонный довод Домешек не смог найти возражений и тоже, видимо, решил поделиться с заряжающим своими сокровенными мечтами.

— А я после войны буду шить сапоги,— сказал он.

На вопрос Бянкина: «Почему?» — Домешек ответил, что он больше ничего не умеет делать, а сапоги научился шить в окружении, когда скрывался от немцев у са-

пожника. На этом мечты заряжающего и наводчика оборвались. Они свернули по второй цигарке, молча закурили, лениво сползли с машины, сошли с дороги, расстегнули ремни, уселись друг против друга и густо задымили.

Малешкина окликнул лейтенант Беззубцев:

— Сан Саныч, как вы себя чувствуете?

Саня усмехнулся:

— Слава богу, хреново.

— Взрыватели сняли с гранат?

— Сняли.

— А где твое доблестное войско?

— А вон,— Саня показал на кусты.

Беззубцев огляннулся, и по угрюмому лицу лейтенанта, как рябь по омуту, пробежала улыбка.

— Посылай за обедом на кухню.

— Ладно.

— Не «ладно», а «есть!» отвечайте, младший лейтенант Малешкин,— резко оборвал Саню Беззубцев и как бы между прочим добавил: — Меня назначили командиром батареи вместо Сергачева.

Саня вскочил и, приложив к шапке руку, повторил:

— Есть, товарищ комбат, виноват — гвардии лейтенант.

Чего хочешь ожидал Малешкин, только не этого. По лицу его в одну минуту пробежали все оттенки душевных волнений: и испуг, и радость, и удивление, и недоумение. Он смотрел вслед Беззубцеву, на его квадратную спину, и все еще не верил своему счастью. Когда Беззубцев оглянулся и погрозил ему кулаком, Саня чуть не задохся от радости: перевернулся на одной ноге и, присев, закричал:

— Ребята! Сергачева сняли с комбатов. Вместо него лейтенант Беззубцев.

Однако ребята не выразили ни радости, ни удивления. Это Саню обидело, и он сердито приказал ефрейтору забирать котелки и отправляться на кухню. Пришел Щербак с тягой и сообщил, что видел Сергачева с вещевым мешком около штабной машины.

— Так ему и надо. Не рой другим яму,— сказал Домешек.

Пока устанавливали тягу, пока обедали, прошел еще час. Снег перестал сыпать. Ветер сматывал с неба за горизонт грязно-серую хмарь, обнажая трехслойные го-

ры облаков. Между ними, как среди льдин в половодье, проглядывали зеленоватые щели с раскаленными алыми краями. В одну из них выглянуло солнце. Искалеченный лес прижался к земле, словно ему очень было стыдно за свою срамоту. Под солнцем лес выглядел до невероятности убогим и загаженным.

Домешек, глядя на него, грустно покачал головой.

— Сколько за эту войну леса погубили!

— И людей! — в тон ему добавил ефрейтор.

Щербак посмотрел на солнце, понюхал воздух и авторитетно заявил, что будет мороз. Никто ему не возражал. И так уже заметно подмораживало. Зябли ноги, зябли руки — все зябло. Домешек галопом обежал три раза самоходку, потом долго размахивал руками и наконец, вскочив на машину, забрался под брезент. Туда же нырнули и Щербак с Бянкиным.

Малешкин влез в шубу, чуть не два раза обернул себя полами, поднял воротник и уселся на башню. В первый раз за три месяца у Сани на душе было так спокойно, как еще никогда не было. У него есть свой дом-самоходка, замечательный экипаж. И полк, в который он попал, великолепный полк. И товарищи хорошие; правда, посмеиваются над ним, но в этом он сам виноват: как поставил себя, так и пошло. И ребята что надо! Один Пашка Теленков какой!

Потом Саня стал по очереди перебирать начальство. Начал с командира полка, которого так уважал и боялся, что не мог смотреть ему в глаза. Басов когда-то давно сам был простым танкистом, механиком-водителем. Поэтому он и строгий, и справедливый. Когда помпохоз Андрющенко жалуется ему, что самоходчики опять слопали неприкосновенный запас, то Басов не обращает на это внимания и приказывает выдать новый. От командира полка Саня перешел к начальнику штаба. Поскольку майор Кенарев ничего плохого не сделал Сане, то он решил, что начальник штаба тоже очень хороший человек. О замполите Овсянникове Саня всегда думал с удовольствием. Настоящий командир, старой закалки! У него даже шинель не такая, как у всех. Длинная, до каблуков, и всегда чистая, отглаженная, как новая. Овсянников — всеми уважаемый после Басова начальник. Хотя он меньше всего заботится об этом уважении. Очень уж простой этот Овсянников. Только что была атака, захватили село, на минуту остановились передохнуть, попить

водички, и вдруг откуда ни возьмись появляется высокая тощая фигура замполита в кавалерийской шинели. Подходит, снимает фуражку, приглаживает седые волосы. Лицо сморщилось — не то от старости, не то от улыбки: «Ну как, жарко было нынче, ребятки?» Попьет водички, расскажет последние новости или просто так «потравит баланду». А солдату весело и отрадно.

Под Фастовом Санина самоходка была по пушку закопана на передке. Немецкие артиллеристы с летчиками так усердно обрабатывали передний край, что носа из-под машины не высунешь. Санин экипаж безвылазно дни и ночи сидел под самоходкой в яме. Снаряды с бомбами так часто и густо падали, что все вокруг тряслось и дрожало, а Мишка Домешек без конца сыпал анекдоты. И только когда начинало темнеть и стрельба с бомбежкой затихали, появлялись с термосами солдаты хозвзвода. В один из таких вечеров к ним пришел полковник Овсянников. Он принес почту: письма, газеты и журналы — и остался ночевать в экипаже. Замполит пробыл с ребятами всю ночь, весь следующий день.

А как Овсянников помог Пашке Теленкову! Это было на формировке. Пашка получил письмо от матери, которая, эвакуировавшись из Ленинграда, жила в колхозе. Мать писала, что живет очень тяжело: много работает, а семья голодает. Просила в колхозе коровенку,— отказали. Всем дали, а ей почему-то отказали. Письмо очень расстроило Пашку, и он с горькой обидой рассказал об этом замполиту. Овсянников Пашку тогда очень крепко отругал... А через месяц Пашкина мать сообщила в письме, что из райвоенкомата в колхоз пришла такая строгая бумага, что председатель сам привел ей на двор корову. Теленков побежал благодарить Овсянникова за помощь, а тот сделал удивленные глаза и сказал, что он к этому делу не имеет никакого отношения.

«Может, Овсянников и за меня замолвил словечко, чтоб оставили на батарее,— подумал Саня и твердо уверился в своей догадке,— конечно, он!»

— Заводи! — разноголосо понеслось по колонне.

Саня вскочил, замахал рукавами шубы.

— Щербак, заводи!

Колонна затрещала, зарычала, захлопала, окутываясь густым, удушливым дымом. Начало смеркаться, когда полк оставил позади расстрелянный лес. Неподалеку

от него рос молодой дубок. Он так крепко держался за землю н так был жаден до жизни, что не уроинл ии одного лнстнка. Тонконогий, стройный, он стоял посреди дороги, вызывающе вскинув лохматую рыжую голову. Земля вокруг дубка была нзъезжена, испахаиа, искромсаиа. Его пощадилн и снаряды, и бомбы, и танки, и колеса машин, и солдатские сапоги. Последняя Саниша самоходка прогромыхала мимо деревца, и дубок тоже остался позади, и его поглотила серая мгла вечера.

Самоходки, задрав вверх пушки, набнралн скорость. По сторонам тянулись голые поля Житомирщины. Проехали мимо пепелища. Видио, здесь стоял дом с надворными постройкамн. Теперь же осталась одиа печка с трубой. И торчала оиа, как одииокий зуб во рту старика.

Когда совсем стемиело, выбрались иа шоссе Киев—Житомир и пошли домолачивать оставшийся асфальт. Саня вспомиил о провисшей гусеиице, и в сердце закралась тревога: «Как бы оиа ие свалилась!» Но, ие проехав и двух километров, свернули с шоссе и опять потащились полем по грязиой, разбитой дороге. Саня успокоился.

Машииу кидало из стороиы в стороиу, нз-под гусениц летела грязь с водой. Наводчик с заряжающим сидели на решетке траисмиссии. Когда туда стали залетать ошметки грязн, перебрались в боевое отделение. Малешкии по-прежнему торчал на башне, свеснв в люк ноги, кутаясь в воротннк шубы. Дул сильный, упругий ветер, была такая густая темень, хоть ножом режь. То вспыхивал, то пропадал кровянистый огонек стоп-сигнала впереди идущей машииы.

Саие иадоело торчать на ветру, и он спустился в машину. Бяикии с иаводчиком доедали оставшуюся от обеда кашу. Саня иапялнл на голову шлемофон, включил рацию н стал ловить веселую музыку. Он исколесил весь диапазои — веселой музыки не было. Москва передавала какую-то тягучую снмфонию, фрицы наяривали свои собачьи марши. Какой-то радист настойчиво вызывал «Юпитера».

— Юпитер, Юпитер, я Сатурн,— монотонно повторял он,— даю настройку... Раз, два, три, четыре, пять — прием...

Саня поставил стрелки на заданные волны, подцепил под горлом ларингофоны, включил передатчик и стал вызывать Пашку Теленкова:

— Лнпа, Лнпа, я Ольха. Как слышишь меня, Липа? Даю настройку. Раз, два, три...— Саия сосчитал до десяти, потом в обратном порядке до едииицы и переключил рацию иа прием. «Липа» ие ответила. Саня стал вызывать «Оснну», то есть командира второй самоходки, младшего лейтеиаита Чегничку. «Осина» тоже молчала. Малешкии решил вызвать машину комбата. Но сколько он ни кричал: «Сосна, Сосна, я Ольха!» — ему иикто ие ответил. Тогда Саия осмелился связаться с машиной командира полка.

«Хопер» неожндаиио ответил. Связь держал лейтенаит Нацеико. Он приветствовал Саию и спроснл, что ему надо. Саия сказал, что ему ничего ие надо, а связался он с иим просто так, от скуки. Нацеико обозвал Малешкина ослом. Саия ие обиделся. Другого ответа он и не ожидал от Нацеико.

На днище самоходки, прижавшись друг к другу, скрючилнсь иаводчик и заряжающий. Грохотал мотор, самоходка дребезжала и звякала, а Домешек с ефрейтором Бянкиным спали. Саия сел в уголок, привалнлся к снарядам, завернулся в шубу и закрыл глаза. Трудио сказать, сколько он продремал — миииуту, а может, и час. Разбудил его нстошиый голос комбата.

— Малешкии, в бога твою мать н селезенку! — кричал Беззубцев.

Саия выскочил из машииы и, ие поиимая, за что его так поиосит комбат, пролепетал:

— Я младший лейтеиаит Малешкни.

— Спишь? Почему в машииу забрался? Где твое место? Машииу мие хочешь угробнть? Одни угробил, теперь ты?

Отматерив Саию, комбат приказал ему сндеть на башие и виимательио следнть за дорогой.

— Сейчас свалнлась с моста самоходка третьей батареи,— сообщил Беззубцев.

— Как же так?

— А вот так. Такой же там сндит командир, как ты, раздолбай! Слезь и проведи машииу,— приказал комбат.

Саня спрыгиул с машииы и пошел вперед. Деревянный узкий мостик через крохотиую речушку выныриул перед иосом. Проходя, он посмотрел вииз под мост н увидел самоходку вверх гусеницами. Около моста стоял экипаж.

— Чья машина? — спроснл Саня.

— Лейтенанта Соболева,— равнодушно ответил кто-то.

«А ведь могло бы и со мной так»,— подумал Саня, и его от макушки до пят передернул озноб.

Чтоб лучше видеть дорогу, Саня сел на крышу люка механика-водителя. И так просидел часа два, рискуя каждую минуту свалиться под гусеницу. От холода он окостенел, но не слез, пока не въехали в большое село. Здесь полк остановился на ночлег.

Батареи разбросали по окраинам огромного села с чудны́м названием Высокая Печь. Четвертой батарее досталась самая отдаленная окраина — северо-западная. Пока ехали, пока выбирали стоянки для самоходок, прошло не меньше часа. Малешкину отвели вишневый сад и белую, как игрушка, хатку с яркими окнами. Загоняя в сад машину, Саня не спускал глаз с окон и представлял себе, как их встретит гостеприимная хозяйка с молоденькой дочкой, нажарит картошки с салом и выставит бутылку самогонки. Потом Домешек станет из кожи лезть, чтоб рассмешить хозяйку с дочкой. А дочка, слушая брехню наводчика, будет украдкой лукаво поглядывать на Саню. Примерно так же, как командир, представляли себе ночлег и наводчик с заряжающим. Мечты Щербака были грубее. Он думал о чугуне картошки и теплой печке, на которую он сразу же завалится спать.

Замаскировав самоходку, экипаж бегом бросился к хате. У крыльца они увидели машину, крытую брезентом, и солдата с автоматом. Он перегородил им дорогу.

— Кругом! — крикнул солдат.

— Почему? — спросил Домешек.

Солдат снял с плеча автомат.

— Не велено пущать.

— Кто это не велел? — вспыхнул Саня.

— Товарищ майор Дядечка. Они здесь ночуют.— Солдат взял на руку автомат и наставил на Малешкина.— Поворачивай кругом, марш! Стрелять буду.

Ефрейтор Бянкин отодвинул в сторону командира, вплотную подошел к солдату:

— Убери свою штуку. А то я тебе так стрельну, штанов не удержишь. Пошли, ребята!

Ефрейтор, не обращая внимания на крики, угрозы часового, пошел к крыльцу.

В хату ввалились гуртом. Солдат выскочил вперед.

— Товарищ майор, никак не слушают. Я им — назад, стрелять буду, а они прут. А этот,— показал солдат на Бянкина,— за автомат хватает.

От яркого света Саня чуть не ослеп. В хате было так тепло, что сразу же обмякло тело. За столом в расстегнутом кителе сидел тучный майор. Он пил чай. Напротив майора — черноглазая женщина с коротко остриженными волосами, в гимнастерке с погонами старшины лениво ковыряла ложкой творог. Стол был уставлен тарелками и мисками, среди которых торчали две черные бутылки. На краю стола попискивал самовар с чайником на конфорке. Откинув ситцевую занавесочку, из кухни вышла хозяйка и остановилась, заложив под передник руки.

— Так,— крякнул майор Дядечка, вытер полотенцем шею и уставился на Саню.

Малешкин козырнул.

— Товарищ майор, эта хата отведена моему экипажу под ночлег.

Женщина за столом подняла глаза и усмехнулась, покачала головой и опять уткнулась в тарелку.

— Как фамилия? — прохрипел майор.

— Младший лейтенант Малешкин.

— Младший лейтенант Малешкин, кругом!

— Товарищ майор, разрешите переночевать, хоть у порога. На улице морозище, замерзнем. Всю ночь ехали, устали...

Майор Дядечка так рявкнул «кругом!», что пламя в лампе взметнулось багровым хвостом, а Саня с экипажем выскочил на улицу. Когда младший лейтенант Малешкин опомнился, солдат с автоматом опять стоял у крыльца, широко расставив ноги.

— Я же говорил, что не пустит. Дюже злой майор Дядечка, как собака.— Часовой еще что-то хотел сказать про своего начальника, но, видимо не найдя крепче слов, жалобно протянул: — Товарищи танкисты, дайте закурить!

Щербак обложил солдата трехэтажным матом.

— А он-то при чем? — вступился за часового Домешек.— На, кури, бедняга. Не завидую я твоей службе. Какой части-то?

— Снабженцы,— отозвался солдат.— Разное барахло возим.

— Я так и знал — чмошники проклятые. А эта баба — майорова ппж? — спросил ефрейтор.
— Черть их разберешь.— Солдат вытащил из кармана огромную «катюшу» — патрон от крупнокалиберного пулемета.
— А ты всю ночь так и будешь здесь торчать с автоматом?
Солдат долго бил рашпилем по кремню, пока не затлел толстый фитиль, прикурил и вместе с дымом выдохнул:
— Не-е-е! Мои сменщики в машине спять.
— Майор Дядечка свое дело туго знает,— сказал наводчик.
— Ну и гад! Собственных солдат на мороз выгнал. Таких людей, как клопов, давить надо.— Щербак показал, как надо давить, и погрозил кулаком.
Саня с тоской поглядел на небо. Оно было темное, прожженное крохотными колючими звездами. «Как дырявая печная заслонка»,— подумал Саня о небе и перевел глаза на снег. Он показался ему лиловым. Малешкин почувствовал, что замерзает и если простоит так еще десять минут, то превратится в сосульку.
— А еще говорят, на Украине зимы мягкие,— лязгая зубами, простонал Саня.
И вдруг водителя прорвало. На нем была куцая и отвердевшая, словно кирза, фуфайка. Руки чуть ли не по локоть вылезали из ее рукавов. Никто так не страдал от холода, как Щербак.
Сначала он долго ругался так изобретательно и ожесточенно, что даже ефрейтор Бянкин свистнул. А потом закричал:
— Чего на него смотреть? Ахнуть из пушки. Давай, лейтенант, я разверну, а ты ахнешь!
— Заткнись, Гришка! Испугался он твоего крика.
— Криком его не проймешь. Он толстокожий,— подхватил часовой.— Давай, ребята, куда-нибудь отселева. А то он меня завтра с потрохами сожрет.
— А, боитесь! — заревел Щербак.— Сейчас я с ним один расправлюсь.— И он бросился к машине.
— Щербак, вернись. Я приказываю: вернись! — закричал Саня, но водитель даже не оглянулся.
Самоходка, рыча, поползла к хате. Саня бросился ей наперерез.
— Стой! Стой! — закричал Малешкин.

Щербак остановился.

— Ты что задумал, идиот? Хочешь, чтоб всех под трибунал?

— Не бойтесь, лейтенант. Я их давить не буду. Я их выкуривать буду!

Саня опешил:

— Как это выкуривать?

— Поставлю машину выхлопными трубами к окнам и заведу. Увидите — майор со своей стервой, как ошалелый, из хаты выскочит.

— А что? Идея! — подхватил Домешек.— Давайте, лейтенант, попробуем. Если он побежит жаловаться, скажем — прогревали мотор.

Саня посмотрел на Бянкина:

— А что ты скажешь?

— А чего мы теряем? — сказал заряжающий.

Решили попробовать. Самоходку выхлопными трубами подвели под окно. От шума солдаты в машине проснулись и, узнав, в чем дело, обрадовались. Часовой убежал в хату.

Саня с экипажем на всякий случай закрылись в машине. Щербак завел мотор и стал потихоньку газовать. Из дома выскочил майор, подбежал к самоходке и, стуча по броне рукояткой пистолета, завопил:

— Прекратить! Я требую прекратить немедленно!

Механик заглушил мотор. Наводчик приподнял люк и удивленно спросил:

— В чем дело, товарищ майор?

— Что это значит?

— А ля герр ком а ля герр,— ответил Домешек.

— Что? — взревел Дядечка.

— На войне как на войне. Действуем в соответствии с обстановкой, товарищ майор.— И Домешек захлопнул люк.

Майор чуть не задохнулся от злобы.

— Прекратите безобразничать! Лейтенант Малешкин!

— Мы не безобразничаем! Мы прогреваем мотор,— ответил Саня.

Майор забегал вокруг самоходки, потом взобрался на башню и, безобразно ругаясь, долго колотил каблуками крышку люка. Наконец он выдохся и, пригрозив Малешкину трибуналом, ушел в хату.

Щербак опять завел мотор и так газанул, что задрожали рамы.

Так он газовал минуты две. На машину взобрался часовой и забарабанил прикладом автомата.

— Эй, танкисты, глуши душегубку! В хате не продохнешь. Товарищ младший лейтенант, майор Дядечка просит вас в хату.

— Зачем? — спросил Саня, не открывая люка.

— Не знаю. Идите, младший лейтенант, не бойтесь. Он, кажется, труханул порядочком, — заверил солдат.

Саня посмотрел на Бянкина. Тот утвердительно кивнул головой, а Домешек добавил:

— Если что, мы из него окрошку состряпаем.

Когда Саня вошел в хату, в ней попахивало выхлопными газами.

Майор Дядечка стоял, глубоко заложив руки в карманы шаровар. На его мясистом багровом лице было столько брезгливости, а в маленьких глазах столько злобы, что Саню передернуло.

— Значит, машину прогреваете? — спросил майор.

— Так точно, товарищ майор. — И Саня щелкнул каблуками.

— Ну и хлюст же ты, Мале-е-ешкин, — майор так протянул в слове «Малешкин» букву «е», словно их там было не меньше десятка. — Кажется, и смотреть не на что, а ведь до чего додумался. Ну и ну... — Дядечка зевнул. — Можете располагаться здесь, на полу. Один может спать на печке. Лично вам, младший лейтенант Малешкин, рад бы предложить отдельную постель, но я здесь не хозяин. Сам сплю на лавке. А завтра мы с вами поговорим, Мале-е-е-ешкин.

Хозяйка приволокла ворох соломы, бросила под головы шубу, а вместо одеяла — грубую самотканую дерюгу.

Майор Дядечка спал на двух сдвинутых скамьях под шинелью. Хозяйка сжалилась над Щербаком, пустила его на печку, а сама легла на широкую деревянную кровать. Малешкин, сняв сапоги, забрался под дерюжку, с боков к нему привалились наводчик с заряжающим.

Сане не спалось. Он и сам не мог понять, что ему мешало. Двумя лиловыми пятнами маячили окна. С улицы доносился неразборчивый говор солдат, который поминутно прерывался хохотом. На печке с клекотом, как взнузданный конь, захрапел Щербак. К нему присоединился майор Дядечка и с таким азартом принялся драть

горло, как будто по хате поехала, лязгая гусеницами, самоходка. Слева фистулой засвистел Домешек, справа рассыпал горох ефрейтор Бянкин.

— Фу-ты, черт возьми! — прошептал Саня, скрючился и заткнул пальцами уши.

Проснулся он позже всех. В окна глядело солнце, и в хате было светло и жарко, как в фонаре. Саня долго тер кулаками глаза, а когда протер их, то увидел, что Домешек с хозяйкой чистят картошку. Кроме них, в хате никого не было.

— А где майор? — спросил Саня.

Домешек загоготал, и хозяйка засмеялась, обнажив ровную, плотную полоску зубов.

— Чуть свет, не завтракавши, укатил. Во как вы его напугали.

Саня обратил внимание, что хозяйка довольно-таки недурна. Ночью-то он ее не рассмотрел как следует, а сейчас с удовольствием поглядывал на ее высоко вздернутые брови, мягкий румянец, на полные руки, на высокую грудь. Хозяйка, перехватив взгляд офицера, покраснела и отодвинулась от Домешека, который все плотнее и плотнее прижимал колено к ее бедру.

«Уже клинья подбивает»,— Саня поморщился и спросил про Щербака с заряжающим. Узнав, что они ушли за завтраком, Саня еще больше поморщился, однако ничего не сказал. Он скинул фуфайку с рубашкой и, оставшись по пояс голый, пошел на улицу. Следом за ним с ведром воды и полотенцем вышла хозяйка.

Младший лейтенант Малешкин мылся с усердием и крякал от удовольствия, хотя вода была так холодна, что у него замирало сердце. Хозяйка вылила на спину Сане полный ковш ледяной воды. Саня ахнул и завертелся, как уж, хозяйка захохотала и бросила Сане полотенце. Малешкин с таким ожесточением растирал кожу, словно собирался содрать ее с костей. Хозяйка смотрела на него, насмешливо щурила глаза, а потом, вздохнув, сказала:

— Ну и худющий же ты, хлопчик. Вылитый шкилет. В фуфайке как будто еще на человека похож, а так и смотреть не на что.

Младший лейтенант Малешкин оскорбился, и хозяйка в его глазах мгновенно из красавицы превратилась в глупую вздорную бабу.

«И чего в ней хорошего: долговязая лошадь»,— ду-

мал он, глядя, как хозяйка, высоко вскинув голову, помахивая ведром, шагала к колодцу.

Саня оделся, принял командирский вид, то есть напыжился, и, придав лицу холодное выражение, старался не обращать на хозяйку внимания. Но когда она со словами: «Отчипись, сатана!» — звезданула наводчика по уху и тот пробкой вылетел из кухни, Саня перестал дуться, простил хозяйке обиду и даже поинтересовался, как ее зовут.

— Антонина Васильевна,— ответила хозяйка и так посмотрела на Саню зелеными глазищами, что младшему лейтенанту Малешкину стало жарко.

Подавив смущение и придав голосу абсолютное безразличие, он спросил:

— А муж-то где твой, Антонина Васильевна?

— А где ж ему быть? Воюет,— с такой легкостью ответила Антонина Васильевна, словно муж за хатой рубил дрова.

— За кого? За нас или за немцев? — спросил Домешек.

Лицо у хозяйки мгновенно погасло, и она укоризненно посмотрела на Домешека.

— А кто ж знает! Как ушел, так ни разу и не откликнулся.

— Если с нами, откликнется,— заверил наводчик.

— Дай-то бог,— вздохнула хозяйка и, подойдя к зеркалу, поправила волосы. А спустя минуту она была прежней: опять скалила зубы, язвила, поддевала Саню и легко, словно на крыльях, носилась по хате. Ухо у Домешека, видимо, остыло. Он не сводил с нее глаз, поминутно одергивая гимнастерку, ходил за хозяйкой по пятам и молол несусветную чепуху. А она беззаботно и заразительно хохотала. А когда наводчик увязался за Антониной Васильевной в погреб за огурцами, Сане стало не по себе. Пять минут ему показались вечностью. Все эти пять минут он страдал от ревности и проклинал свою робость. Когда они пришли из погреба с огурцами, Саня пытался по их лицам определить, что у них там было. Но так ничего и не понял. Антонина Васильевна смеялась и зубоскалила, а Домешек по-прежнему ходил за ней и все одергивал гимнастерку. Как Саня ненавидел в эту минуту своего наводчика! Он знал, что́ у Домешека на уме. Он же влюбился в хозяйку по-настоящему с первого взгляда, как влюблялся почти в каждом

селе, в каждом доме, везде, где только можно было влюбиться.

Пришли Щербак с ефрейтором, принесли два котелка холодного супа, четыре куска мяса, хлеб и водку.

— Чертова кухня, в такую даль забрались. Пока шли, суп замерз,— ругался Щербак.

— Незачем было таскаться. Что б я вас, не накормила? — говорила хозяйка, накрывая на стол. Она поставила ведерный чугун вареного картофеля, миску огурцов, миску квашеной капусты и тарелку с салом. Потом выскочила в сени, вернулась, загадочно улыбаясь, держа руки под фартуком, и под дружный возглас «о-о-о!» выставила большую темную бутылку самогонки. У Щербака от радости выступили слезы. Он восхищенно посмотрел на хозяйку, потом на бутылку и сказал:

— Ух ты, моя ненаглядная!

Никто не понял, кого он назвал ненаглядной — бутылку или хозяйку.

Даже серьезный ефрейтор Бянкин засмеялся. Антонину Васильевну хохот согнул пополам.

— Умру... ей-богу, умру. Ну и комики! — задыхаясь, бормотала она, но, случайно взглянув в окно, притихла и, подняв палец, прошептала: — Тс-с, хлопцы! Какой-то важный начальник в папахе к нам.

— Полковник Овсянников. Вот уж некстати,— сказал наводчик и выразительно мигнул Щербаку. Тот сунул бутылку под стол.

Через порог шагнул замполит Овсянников. Снял папаху, пригладил жесткие седые волосы.

— Хлеб да соль!

Экипаж Малешкина дружно ответил: «Спасибо, товарищ полковник!» Саня вскочил и стал приглашать Овсянникова за стол.

— А что у вас вкусненького? — поинтересовался Овсянников и, узнав, что горячая картошка с огурцами, охотно согласился.

— Если, конечно, хозяюшка не против! — Он подошел к Антонине Васильевне. Она испуганно вскочила, отерла о фартук руку и боязливо подала полковнику.

— Как величать-то?

— Антониной Васильевной,— прошептала хозяйка.

— А меня Тимофеем Васильевичем; выходит, что мы с вами по батькам тезки. А горяченькой картошки-то поем, Антонина Васильевна. С удовольствием поем.

— Сидайте, Тимофей Васильевич.— Хозяйка метнулась в кухню за табуреткой, потом к сундуку за рушником.

Осип Бянкин разделил помпохозовскую водку; пододвигая стакан Овсянникову, попросил его выпить с экипажем. Полковник взял стакан, покачал головой.

— Не пью я, вот ведь беда-то какая. А сегодня немножко выпью. Как говорят пьяницы, повод есть.— Он перелил водку в стакан ефрейтора, оставив себе на донышке.— Выпьем за освобождение Житомира, Бердичева, Белой Церкви. Что вы на меня так смотрите? Очень серьезно говорю. Войска нашего фронта расширили прорыв до трехсот километров и продвинулись в глубину на полтораста. Манштейн со своей ордой покатился на запад. За полную победу! — И Овсянников поднял стакан.

Выпили и набросились на картошку с огурцами. Овсянников ел жадно, обжигаясь.

— А вы, товарищ полковник, наверное, со вчерашнего дня не ели? — заметил Бянкин.

Овсянников усмехнулся:

— Заметно?

— Еще бы!

— Верно,— вздохнул Овсянников.— Как встал, так и пошел по экипажам. А они по всему селу разбросаны, батарея от батареи на километр. А как не пойдешь, не сообщишь такие вести. Сами ноги бегут. А мне уже на седьмой десяток перевалило.

— Правильно, товарищ полковник! — воскликнул Щербак.— За это надо еще выпить! — и вытащил из-под стола бутылку.

Овсянников удивленно посмотрел на Щербака.

— За что же это выпить, старшина? За то, что мне седьмой десяток пошел? Уберите, уберите, старшина, чтоб и глаза мои не видели.— Овсянников укоризненно посмотрел на хозяйку.— Балуете вы их, Антонина Васильевна.

Антонина Васильевна высоко вскинула брови.

— Так они ж гости, товарищ полковник! Сколько время мы вас ждали! А потом, они уж больно хлопцы славные.

Овсянников засмеялся.

— Нравятся?

— Очень. Особенно лейтенант.— И она нежно посмотрела на Саню.

Саня втянул голову в плечи и боялся оторвать глаза от тарелки.

Антонина Васильевна захохотала.

— А застеснялся-то, как красная девица. Товарищ полковник, почему он у вас такой застенчивый?

Овсянников похлопал Малешкина по спине.

— Что ж это, Саня, такая интересная женщина, а ты и не поухаживаешь? Я бы на твоем месте...

Овсянников с такой грустью посмотрел на хозяйку, что та присмирела и тихо сказала:

— Ваш лейтенант молодец. Как он вчера майора выкуривал. Живот от смеха надорвешь.

— Моя идея,— гордо заявил Щербак. Сидел он мрачный и проклинал себя за то, что вытащил бутылку.

— Что? Что? Какая идея? — оживился полковник.— Кто здесь кого выкуривал? Малешкин, что вы опять натворили?

Малешкину пришлось все рассказать. Овсянников слушал внимательно, и его обычно строгое лицо теперь было грозным. А когда Саня стал описывать, как майор с пистолетом бегал вокруг самоходки и кричал: «Прекратите, стрелять буду!» — полковник закрыл руками лицо, и все его большое сухое тело затряслось от смеха.

Насмеявшись вволю, Овсянников вытер глаза, стал одеваться. Поблагодарив Антонину Васильевну за угощение, попрощавшись со всеми за руку, замполит попросил Малешкина проводить его немножко.

Они вышли на улицу. Был тихий, ясный декабрьский день. Снег, переливаясь, блестел и резал глаза, повизгивал под ногами. Заиндевелый вишневый садик сиял, как стеклянный. Воздух был чист, свеж и прозрачен. Каждый звук в нем звучал долго, отчетливо и звонко. Самоходка, подняв вверх пушку, тоже побелела от инея.

Они прошли от крыльца до колодца. Овсянников остановился, поправил на голове Сани шапку.

— Значит, майора Дядечку выкурили. Озорники! — Слово «озорники» у полковника прозвучало как «молодцы». Овсянников сел на обледенелый сруб колодца и пытливо посмотрел на Малешкина.— Ребята твои, наверное, сейчас за бутылку принялись. Они только и ждали, когда я уйду! Мне даже совестно стало. Тут, видимо, ничего не поделаешь. А ты побудь со мной. Выпьют — и пойдешь.

Саня усмехнулся:

— Оставят, товарищ полковник.

Лицо у полковника опять стало грозным.

— Вообще водка — гадость, а пить ее с подчиненными — вдвойне гадость. А ведь ты пьешь с ними?

Саня посмотрел на небо, потом на полковника и кивнул головой.

— Если хочешь быть настоящим офицером, прекрати. С сегодняшнего дня прекрати.

Саня удивленно посмотрел на замполита:

— Так водку ж дают. Положено.

— Что «положено»? — нахмурился Овсянников.— Я разве про эти сто граммов говорю? А я и эти сто граммов не пью. И никогда не пил. Еще Аристотель сказал: «Пьянство — добровольное сумасшествие». Знаешь, кто такой Аристотель?

Саня вздохнул и чистосердечно признался, что слыхал, но кто он такой, не знает.

— Вот то-то оно и есть, что ничего вы не знаете и знать не хотите. Чем вы занимаетесь на отдыхе, формировке? — спросил полковник и сам ответил: — Бездельничаете. Редко увидишь, чтоб офицер на отдыхе читал книгу. Малешкин, почему ты ничего не читаешь?

От удивления у Сани даже открылся рот.

— А где книги?

— Было бы желание, а найти всегда найдешь,— сказал Овсянников.— У командира машины второй батареи Васильева целая библиотечка. Ему каждую неделю из тыла невеста присылает книжку. Вот, брат, каких девушек-то надо иметь, а не таких, которые только дерут с вас, дураков, денежные аттестаты.

Саню вначале бросило в жар, потом в холод: «Откуда ему все известно?»

Дело в том — впрочем, опять виноват не Саня, а Теленков,— что Пашка переписывался с одной девушкой из Москвы. Сане тоже очень хотелось переписываться. Он и упросил Пашку познакомить его через свою подругу с кем-нибудь. Вскоре Саня получил письмо с фотографией писаной красавицы. Малешкин влюбился в нее сразу, да так, что, когда красавица попросила денежный аттестат, Саня, не задумываясь, выслал. На этом любовная связь и оборвалась. Оборвалась она и у Пашки Теленкова. Единственно, что утешало Саню, это то, что он аттестат выслал на полгода, а его приятель на

весь год. Друг другу они поклялись хранить это в глубокой тайне. «Кто ж об этом рассказал? Наверное, начфин»,— решил Саня. К начфину он обращался с просьбой вернуть аттестат обратно.

— Матери-то, наверное, ни копейки не послал? — спросил Овсянников.— А какой-то трясогузке всю зарплату.

Саня закусил губу, опустил голову и до тех пор не поднимал, пока Овсянников не кончил обличать его в невежестве, неряшливости и еще во множестве пороков, которые полковник Овсянников знал наперечет. Саня слушал и со всем соглашался. Что ж ему оставалось делать? Закончил Овсянников на том, что якобы он еще не потерял надежды увидеть Саню примерным командиром, так как времени для исправления у него хоть отбавляй. Полковник взял с него слово, что гвардии младший лейтенант Малешкин с сегодняшнего дня прекратит пить водку с экипажем. Саня, обрадованный, что «лекция» на этом кончается, пообещал не только с экипажем, но и вообще ее не пить.

Пока Саня провожал замполита, его экипаж опорожнил бутылку и доел огурцы с капустой. Командиру была оставлена кружка мутной самогонки.

— Ваша доля, лейтенант,— сказал Щербак, подавая ему кружку и ломоть хлеба с салом.— Хлебните-ка во славу русского оружия.

Саня взял кружку, понюхал, поморщился.

— Чего ее нюхать? Откройте пошире зевальник, одним махом хоп — и в дамках! — посоветовал Щербак.

— Да он не умеет! — засмеялась Антонина Васильевна.

— Это я-то не умею? — возмутился Саня, но, вспомнив про зарок, решительно прошел в кухню и вылил самогонку в помойную лохань.

— Вот так. Понятно? — сказал он.

С минуту экипаж обалдело смотрел на командира. Молчание прервал Домешек.

— Понятно, товарищ гвардии младший лейтенант. Даже больше чем наполовину.

Саня посмотрел на Антонину Васильевну и по ее кривой усмешке и плотно сжатым губам понял, что она тоже недовольна.

— А мы-то ему больше всех оставили,— с горечью сказал Щербак.

— А как же, он у нас командир, офицер,— пояснил Осип Бянкин.

— Кто вам дал право обсуждать мои действия? — спросил Малешкин.

— А мы и не собираемся обсуждать. Вы, товарищ младший лейтенант, не только нас, но и хозяйку обидели,— сказал Бянкин.

Саня понял, что дал маху, а это еще больше обозлило его.

— Молчать! — закричал он.— Щербак, немедленно прогрей машину!

Щербак засопел и, схватив шапку с фуфайкой, выскочил на улицу. За ним вышли и Домешек с Бянкиным. На крыльце они остановились, стали закуривать и о чем-то разговаривать. «Наверное, обо мне»,— подумал Саня и так сморщился, словно у него заныли зубы.

Размолвки с экипажем случались часто. Саня переживал их болезненно. Но по своему характеру долго сердиться не мог и первым шел на мировую.

Антонина Васильевна, убрав со стола, принялась заметать хату. Выкинув за дверь соломенную подстилку, она ожесточенно шаркала веником. Около Сани она разогнулась, заправила под платок волосы и мягко улыбнулась.

— Ребята на тебя осердились, товарищ лейтенант. А ведь в бой-то вместе пойдете.— Она покосилась на темный циферблат ходиков и охнула: — Царица небесная! Одиннадцатый час, а у меня корова не доена! — Бросила веник, схватила подойник и побежала доить корову. Открыв дверь, остановилась: — Скоро поедете-то?

— Не знаю. Впрочем, наверное.

— Может, успеете еще молочка похлебать,— хлопнула дверью.

Малешкин походил по хате, остановился у окна. Стекла промерзли насквозь и заплыли льдом. Саня лизнул и сплюнул. Лед показался ему соленым. Он совершенно не знал, что делать. Поднял веник и стал дометать пол. Через минуту бросил. Махать веником показалось ему ниже его офицерского достоинства. Саня оделся и пошел к самоходке.

Его экипаж усердно трудился. Щербак набивал солидолом масленку, наводчик надраивал казенник пушки, заряжающий чистил днище. Когда экипаж переходил с командиром на «вы», то особенно следил за чисто-

той и порядком в самоходке. Это был весьма прозрачный намек Сане на то, что экипаж и без командира сам отлично знает, что ему делать, и великолепно может существовать без младшего лейтенанта Малешкина.

Саня спустился в машину и спросил, чем они занимаются. Вместо ответа Осип Бянкин в неприятной форме сделал командиру выговор, суть которого заключалась в том, что он не покладая рук чистит машину, а другие ее только... Тут заряжающий выдал такое словечко, что Малешкина затрясло от бешенства. Огромной силой воли он сдержал себя и спокойно заметил, что так с командиром не разговаривают.

— А как же еще с вами разговаривать? — возмутился ефрейтор.— Сколько раз говорил вам очищать ноги! А вы что? Посмотрите, сколько на сапогах приволокли снегу.

Саня посмотрел на ошметки грязного, талого снега и отвернулся.

Минут пять работали молча. Саня старательно очищал грязь с панелей радиостанции и ждал, кто же воткнет ему очередную шпильку. Не выдержал Щербак: сначала он обругал помпотеха, который мало отпускает ветоши на протирку, потом Малешкина.

— Если вы, командир, будете понапрасну гонять рацию и разряжать мне аккумуляторы, я доложу помпотеху,— заявил он.

Саня мужественно смолчал, хотя кто знает, чего ему это стоило. Окончательно добил Саню наводчик. Он вытащил из-под пушки противогаз и спросил:

— Чей?

С противогаза ручьем стекало масло.

— Товарища гвардии младшего лейтенанта Малешкина,— громко объявил ефрейтор.

Домешек бросил Сане под ноги противогаз и объявил перекур. Экипаж оставил Саню в машине одного, а сам выбрался наверх покурить.

«Как будто здесь не могли, — горько усмехнулся Саня.— Специально подчеркнуть, что я для них ничто, круглый нуль. И бьют-то как, подлецы! И синяков не оставят. Ни к чему не придерешься. Они кругом правы, я кругом виноват. Ну как теперь с ними мириться? А мириться надо. Иначе затюкают».

Саня вспомнил, что у него где-то запрятана на чер-

ный день пачка легкого табака. Саия разыскал ее, вылез из машины и со словами: «Закурим моего легонького, офицерского» — положил табак на колени ефрейтора.

Все потянулись за легким табаком, молча свернули цигарки. Саия тоже свернул, похлопал по карманам и выжидательно посмотрел на Домешека.

— Ком глих,— сказал наводчик.

— Чего, чего? — переспросил Бянкин.

— По-немецки «ком глих» — сейчас,— пояснил наводчик, вынимая из потайного кармана зажигалку. Зажигалка у него была трофейная и очень срамная. Домешек ею дорожил и гордился. Осип Бянкин, наверное, сто раз любовался зажигалкой и столько же возмущался. И сейчас он вертел в руках зажигалку и ухмылялся.

— Невесте такую похабель подарить вместо обручального кольца! Глупость и похабель. Хошь заброшу? — Ефрейтор занес руку.

Домешек от испуга посерел:

— Ты что?! Ты что?! Слышишь, не дури!

Бянкин еще раз с омерзением посмотрел на зажигалку и бросил ее наводчику.

— Все, больше ты ее ие увидишь, — сказал Домешек и запрятал зажигалку под бушлат.

— Вместе с комсомольским билетом хранишь? — спросил Бянкин.— Что ты мне головой мотаешь? Факт, вместе.

— А я комсомольский билет потерял,— неожиданно заявил Щербак.

— Потерял?! Где?

Саня машинально сунул руку за пазуху и успокоился. Комсомольский билет был на месте.

— Это когда я еще был в учебном полку. Хотели выдать новый. Потом раздумали, сказали, что я из возраста вышел.

— И тебе предложили вступить в партию? — спросил наводчик.

Щербак исподлобья посмотрел на Домешека, махнул рукой и отвернулся.

После этого надолго замолчали. От нечего делать свернули еще по цигарке. На этот раз прикуривали от «катюши». «Катюша» у Бянкина была превосходная, от одной искры срабатывала.

Саня чувствовал, что экипаж ждет, когда командир

начнет каяться. Он мучительно раздумывал, как бы это дело повернуть так, чтоб не очень-то было унизительно и чтоб экипаж остался доволен.

Он решил начать издалека.

— А ты, Домешек, неплохо немецкий язык знаешь.

Наводчик самодовольно ухмыльнулся:

— С филфака Одесского университета на фронт ушел.

— С чего? С фигфака? — серьезно переспросил Бянкин.

— С филологического факультета, бревно нетесаное.

Бянкин, видимо, хотел ответить, но, не найдя веских слов, сплюнул окурок и уставился на Саню, как бы давая ему понять: все, что говорилось, ерунда, я жду, голубчик, какой ты поведешь разговор.

— А я с самого начала невзлюбил немецкий язык,— заявил Малешкин.— В школе совсем не учился, только немку изводил. Эх, и поплакала же она от меня! — Саня стал подробно рассказывать, как он безобразничал на уроках немецкого языка, как его за это исключили на месяц из школы и как потом отец его порол. — С тех пор я так возненавидел фрицев, что готов их, гадов, душить вот этими собственными руками. — Малешкин показал руки и сжал кулаки.

Однако ни самобичующий рассказ, ни патриотический порыв не тронули экипаж. Щербак смотрел в одну точку. Домешек насвистывал «Темную ночь».

— Все? — спросил ефрейтор Бянкин.

От этого вопроса Саня сморщился, словно проглотил горсть недозрелой клюквы, и стал горячо доказывать, что сердиться совершенно не на что, да и глупо, так как экипаж — одна семья и делить им нечего, и что скоро вместе в бой пойдут, и что он как командир ничего для них не жалел и не пожалеет. В доказательство своих слов Саня разделил табак на четыре части. Экипаж молча забрал табак и рассовал его по карманам.

— Ну что же вы молчите, черт возьми! Это ж в конце концов обидно! Ну виноват я с этой самогонкой, виноват,— с какой-то отчаянной решимостью выдавил Саня.

Бянкин заулыбался. Вероятно, он был доволен. Домешек усмехнулся.

— А мы тебе, лейтенант, больше всех оставили. А ты

ее в помойное ведро свиньям. Обидно. Так обидно, аж слезу давит,— пожаловался Щербак.

— Ну хватит тебе! Давит! Расчувствовался! — прикрикнул на водителя ефрейтор.— Извинился лейтенант, и ладно. Ставим на этом точку. Вон и комбат, кажется, к нам катит.

От дороги к дому бежал лейтенант Беззубцев. Тропинка, видимо, для него была слишком узка. Оступаясь, он переваливался с боку на бок и нелепо размахивал руками. Не добежав до машины, комбат подал сигнал: «Заводи!»

Щербак полез в люк. Саня с Бянкиным и наводчиком бросились в хату за вещмешками. Антонина Васильевна, узнав, что гости уезжают, торопливо разливала по стаканам молоко. Молоко пили на ходу, без хлеба, как воду, торопливо прощались и выскакивали на улицу. Когда подошел комбат, экипаж младшего лейтенанта Малешкина был в полной боевой готовности. Саня доложил, что все в порядке, все здоровы и никаких происшествий не было.

— Опять шапка задом наперед,— заметил комбат.

— А будь она проклята! — выругался Саня, поправляя шапку.

— По коням! — крикнул комбат и вскочил на самоходку.

Самоходка, рыкая, мягко покатилась по снегу. С ходу проскочив канаву, выехала на дорогу и, круто развернувшись, ринулась в село.

— А Щербак, оказывается, неплохой водитель,— заметил Беззубцев.

Саня хотел сказать, что это у него сегодня так ловко получилось, а вообще-то... но раздумал и сказал, что Щербак — хороший водитель.

Сане очень хотелось поговорить с комбатом.

— Говорят, наши взяли Житомир, Белую Церковь... Тика́ет фриц.

Комбат усмехнулся:

— Не очень-то шибко. Вчера под Казатином Шестому корпусу досталось. Особенно Пятьдесят первой бригаде. Один батальон погорел начисто.

— Да ну? — И Саня повернул на голове шапку козырьком назад.

— Немцы подбросили свежие части, эсэсовцев. Дивизию «Мертвая голова».

— «Тотен Копф»,— перевел на немецкий язык Домешек.

— Во-во! — подхватил комбат.— Говорят, головорезы, смертники. Или сегодня, или завтра нас наверняка на них бросят.

— В штабе так говорят? — спросил Саня.

— И в штабе, да и по всему видно,— комбат схватился за полевую сумку.— Чуть почту не забыл. Держи,— и подал Сане пачку писем.

В основном письма были Щербаку и Бянкину. Домешек получал изредка, да и то от фронтовых друзей. Сане пришло сразу два треугольника. Одно от матери, другое из Москвы. Не от той, от которой давно уже перестал их ждать, а от совершенно другой и незнакомой — К. Лобовой. Саня хотел сразу же распечатать это письмо. Но в это время по колонне, от головы ее к хвосту, покатился крик: «Товарищи офицеры, к командиру полка!»

Саня сунул письмо за пазуху, спрыгнул с машины и, придерживая колотившую по ногам сумку, побежал за комбатом. Саня несся, как пуля, и прибежал первым.

— Товарищ полковник, младший лейтенант Малешкин по вашему приказанию явился,— доложил Саня и вытянулся по стойке «смирно». Вместо «хорошо, младший лейтенант Малешкин», командир полка сказал:

— Поправь шапку.

Саня чуть не взвыл и дал слово забросить эту проклятую шапку и опять носить шлемофон, который был и тяжелый, и холодный, и страшно неудобный, зато всегда сидел как надо.

Полковник Басов сообщил командирам стоящую перед ними задачу: она заключалась в том, чтобы совершить восьмидесятикилометровый марш в район местечка Кодня и с ходу вступить в бой.

— Двигаться на предельной скорости. Всякое отставание будет расцениваться как трусость. У кого машина плохо подготовлена, пусть пеняет на себя,— предупредил командир полка и отдал команду: «По машинам!»

Обратно Саня бежал с Пашкой Теленковым. Бежал легко, не чувствуя под собой ног. Ему одновременно было и страшно, и радостно. Боялся он не предстоящего боя, а за машину, за механика-водителя. «Что, если он подведет?!» — с ужасом думал Саня. А Теленков надсадно, как командир, гудел:

— Восемьдесят километров, и сразу в бой. Дела паршивые, если сразу в атаку. Что-то у меня на душе тяжело.

— Хватит тебе притворяться, Пашка. Как будто ты боишься.

— Да я уж разучился бояться. Только на сердце тяжело. Словно на него каблуком наступили,— говорил Пашка.— Будь здоров!

— Будь здоров! — Саня на ходу пожал руку приятеля.

Санин экипаж словно чувствовал, что дело нынче будет серьезное. Когда Малешкин доложил им задачу, они переглянулись и, ничего не сказав, разошлись по своим местам. У Домешека с ефрейтором все было в порядке. Они свои обязанности знали, как говорят солдаты, туго. А Щербак заметался. Он схватил щуп и бросился замерять в баках масло. Масла оказалось сверх нормы, а Щербак нервничал.

— В чем дело? — спросил Саня.

— Да что-то манометр шалит.

— Что с ним?

Щербак не успел ответить. Заревели моторы, и он ринулся в машину. Колонна тронулась и сразу же стала набирать скорость.

Ночью село Высокая Печь ничем не отличалось от других сел. Только сейчас Саня увидел, как Высокую Печь расколошматили. Погоревших хат было не много, лишь кое-где чернели пятна пожарищ. Большинство хат было расстреляно. Саня безошибочно определял, где хату поцеловал снаряд, а где шарнула мина. От снарядов в стенах чернели сквозные дыры. Мина накрывала хату сверху. В крышах зияли провалы и торчали расщепленные жерди. Попадались хаты без углов, без стен, или вообще на месте дома лежала бесформенная куча глины и соломы. На самой окраине села крошечная, как скворечник, хатенка уткнулась окнами в снег.

За селом колонна круто повернула на юг и понеслась по хорошо накатанной дороге. На обочине сидели солдаты-пехотинцы, спустив ноги в кювет, и равнодушно смотрели на мчавшиеся самоходки. Гусеницы бросали им в лицо снежную пыль, перемешанную с едким, вонючим дымом. Солдаты не отворачивались. Видно было, что они смертельно устали.

Стреляя выхлопными трубами и лязгая гусеницами,

колонна нырнула в молоденький сосновый лесок и круто объехала перевернутую куполом вниз танковую башню. Из-под башни торчали кирзовые сапоги и желтые, словно восковые, руки с растопыренными пальцами. Метрах в десяти стоял обожженный корпус. Из люка механика-водителя свешивалось безголовое туловище старшего сержанта. Руками он все-таки успел дотянуться до земли.

Малешкину стало жутко. Он взглянул на заряжающего с наводчиком. Они, в свою очередь, посмотрели на командира, и все трое, как по команде, полезли в карманы за табаком. У Бянкина по скуле, как челнок, сновал желвак. У Домешека одна бровь взлетела на лоб, другая — сползла на глаз. Саня закурил, глубоко затянулся и вспомнил о неисправном манометре. Спустившись в машину, он пробрался к механику-водителю, тронул его за плечо. Щербак оглянулся и подставил ухо.

— Как манометр? — закричал Саня.

— Порядок,— ответил Щербак и, потянув на себя рычаг, зажал левый фрикцион. Правая гусеница забежала вперед. Щербак отпустил рычаг, и самоходка, словно укушенная, понеслась по дороге.

Мелколесье сменили ровные, как на подбор, медноствольные сосны с дырявыми макушками. Под соснами снегу еще было мало, кое-где зеленели лужайки брусничника. Декабрьское солнце греет плохо, светит мало. Оно уже задевало за макушки деревьев. На дороге лежали синие тени. Гусеницы, громыхая, кромсали их, смешивая с грязным дымом и сухим снегом. Было очень мирно, и если бы не рычащие самоходки, ничто не напоминало о войне...

Первой встретилась раздавленная немецкая каска, за ней грязно зеленая шинель с алюминиевыми пуговицами, потом нога в сапоге. Потом... потом самоходки пошли перемалывать, кромсать и утюжить остатки разгромленной фашистской колонны. Обе стороны дороги танкисты завалили повозками, разбитыми машинами, снарядами и трупами. Сразу столько убитых Сане еще не приходилось видеть. Они валялись и в одиночку, кучами в странных до невероятности позах. Как будто смерть нарочно садистски безобразничала, издеваясь над человеческим телом. Убитая лошадь опрокинулась на спину, задрав вверх ноги. Стертые копыта под солн-

цем блестели, как никелированные. Привалившись к колесу, уронив на грудь голову, навеки задумался немецкий артиллерист. Совершенно нетронутой съехала на обочину кухня. Над котлом, весело поблескивая, торчал на длинной палке алюминиевый черпак. Зато от машины, к которой она была прицеплена, остался почерневший остов с коричневыми ободами. Поперек дороги лежало что-то темное, бесформенное. Саня не успел рассмотреть, как самоходка накрыла его. А когда оглянулся, то с трудом распознал человеческое тело. По нему, видимо, прошло не меньше сотни танков и раскатало как блин. Промелькнула штабная машина с настежь распахнутыми дверцами. Все вокруг, и дорога, было усыпано бумагой, папками в синих корках с черной фашистской свастикой. Убитый офицер в светло-голубой шинели лежал, уткнув голову в снег. На затылок его словно кто-то вылил банку густого вишневого варенья. Уголок тонкого листа бумаги прилип к нему, и когда мимо пронеслась машина, листок встрепенулся, словно хотел улететь, беспомощно, как мотылек, потрепыхался, опять лег и успокоился.

— Ну и повеселились же здесь братья славяне! — воскликнул наводчик.

— Поработали что надо! — сказал ефрейтор. Сане тоже стало весело. Там, при виде безголового танкиста, его затрясло. А тут ничего, как будто так и должно быть! А как же иначе? Это же не люди, а фашисты!

Колонну немецких машин, загруженных снарядами, братья славяне не тронули. От машин до леса протянулись кривые следы.

— А шоферня, наверное, разбежалась,— сказал Домешек.

— Далеко не убегут,— заверил ефрейтор Бянкин.

И опять потянулся белый, пахнущий свежей капустой снег, сосны с жидкой хвоей, изредка мелькала тоненькая, словно забинтованная, ножка березки и серенький ствол осины.

Наводчик с заряжающим закурили. Саня вынул письма, повертел их, раздумывая, с какого начать. Очень хотелось с письма незнакомки К. Лобовой, а все-таки развернул мамино.

Мать сообщала, что живет теперь одна: Надя, родная Санина сестра, вышла замуж за безрукого Митьку Болдакова. Живет пока неплохо: запаслась на всю зиму

картошкой, хлебца тоже немножко есть, а корова помаленечку доится. Потом перечислила подробно все деревенские новости:

«А твой товарищ Колька Васин пришел с фронта слепой. Я его спросила: «Видишь хоть что-нибудь, Коленька?» А он мне говорит: «Чуть-чуть, тетя Дуня, со спичечную головку». Пенсию ему положили четыреста рублей. Колька задумал учиться на музыканта. Говорит, что слепым это дело очень легко дается. Выпросил у меня твою гармошку. Ты уж на меня, сынок, не обижайся, ты все равно играть на ней не научился, а Кольку жалко. Избави бог тебя, Санюшка, от такого несчастья. А председателем у нас опять бывший староста Василий Архипыч. Его потаскали, потаскали и опять в председатели определили. При немцах-то он за своих стоял горой, поэтому его и не сослали. А в Малинниках, говорят, старосту в расход пустили. А часовенка-то у ручья в Соловьихинском лесу сгорела. Пиши, Санюшка, почаще, уж очень я беспокоюсь за тебя. Почти каждый день хожу к бабке Синице гадать на картах. Все мы к ней ходим. Мне все время выпадает хорошая карта. А вот Наталья Силина гадала на своего Егора, так ей выпала вся черная карта. Она два дня выла дурным голосом. Потом Егор письмо прислал, пишет, что теперь служит в похоронной команде. Пиши, сынок, не ленись. Много мне не надо расписывать. Напиши, что жив,— мне и хватит. Береги себя, не суйся, куда не надо, не лезь под пули с бомбами. Ты ж у меня какой-то оглашенный, всегда тебе больше всех надо было. А береженого и бог бережет.

Целует тебя твоя мать Евдокия Малешкина».

Письмо Саню и немного тронуло, и немножко рассердило, и немножко насмешило.

С волнением Саня развернул письмо москвички Лобовой К.

«Здравствуй, боевой далекий, незнакомый друг Шура. Номер вашей полевой почты дала мне Лидка Муравьева, которой вы выслали денежный аттестат. Она мне сказала, что вы ей не нравитесь и она все порывает с вами. Я с Лидкой навсегда разругалась. Какая она

дрянь! Я знаю, Шура, что вы Лидку очень любите. Она мне ваши письма показывала и насмехалась. Не переживайте, Лидка мизинца вашего не стоит. Если хотите, я с радостью буду с вами переписываться, а может быть, после войны и встретимся. Я буду вас, Шура, ждать. Аттестатов мне никаких не надо, я не Лидка Муравьева и сама неплохо зарабатываю на электроламповом заводе. Живу с мамой, папа погиб еще в сорок первом году. Если «да», то я вышлю свое фото.

С дружеским приветом *Катя*».

Саня прочитал еще раз и поморщился. Письмо показалось ему уж слишком простым и тусклым. Он хотел разорвать его на клочки и развеять по ветру, но раздумал.

— Ладно, присылай. Посмотрим, что ты за штука,— сказал Саня.

— Ты это о чем, лейтенант? — спросил Домешек.

— Да так... — Он замялся.— Одна чудачка письмо прислала. Хочет познакомиться.

Домешек ухмыльнулся и почесал затылок.

— А ты, говорят, уже с одной познакомился? — спросил ефрейтор и, прищурясь, посмотрел на командира.

Саня не ответил.

Полк выскочил на широкое квадратное поле с рыжими скирдами соломы и остановился. Поле с трех сторон замыкал лес, впереди возвышалась невысокая плоская гора с очень ровным отлогим скатом. На ней виднелись крыши хат и церковь с двумя тонкими высокими колокольнями. У подошвы горы, да и по склону, чернели танки, издали похожие на мух.

— Наши? — спросил Саня.

— Кажется,— неуверенно ответил наводчик.

— А чего они стоят? Где бинокль?

Наводчик слазил в машину за биноклем.

— Точно, наши, тридцатьчетверки, — бормотал он, подгоняя по глазам окуляры, и вдруг резко сунул бинокль командиру.— Смотри!

Саня поднес к глазам бинокль и долго не мог оторваться. Кроме закопченных корпусов, он увидел на снегу три грязных пятна, башню, похожую на каску, торчащий из снега казенник пушки и еще... Он долго всматривался в темный предмет и наконец догадался, что это каток.

— Трех в клочья разнесло,— сказал он.
— Двенадцать штук — как корова языком слизала. Это их «фердинанды» расстреляли,— заверил ефрейтор Бянкин.
— Чего остановились? — спросил, вылезая из машины, Щербак.
— Танки горелые.
— Чьи?
— Наши.
Щербак взял бинокль и стал смотреть.
— Подпустил поближе, а потом в упор...
Возражать Щербаку не стали. Какое теперь имело значение, как умудрились немцы сразу столько расколошматить танков. Каждый невольно думал о себе. Домешек думал, сколько погибло наводчиков, Щербак — механиков-водителей. Примерно о том же думали и командир с ефрейтором. Молчание прервал Малешкин:
— Утром мне комбат сказал, что где-то здесь погорел батальон Пятьдесят первой бригады. Может, он?
Домешек, великолепно знавший численность танковых подразделений, решительно отверг это предположение. Ему возразил заряжающий:
— А почему бы и не он? Был недоукомплектован или машины раньше погорели. Другой только считается батальоном, а в нем всего три машины.
Доводы были слишком логичны, чтобы возражать. И спор у заряжающего с наводчиком так и не вспыхнул.
— А чего остановились-то? — неизвестно к кому обращаясь, спросил водитель.
— А куда ехать?..
— Не зная броду...
— Соваться, как эти сунулись?
— Странно: едем, едем — и ни одного выстрела.
— Это хуже всего. Когда стреляют, на душе спокойнее.
— Ни хрена мы сегодня не доедем до этой Кодни.
— Солнце уже на ели, а мы ничего не ели.
Колонна задымила. Щербак с грохотом свалился на днище машины. Самоходки, проскочив поле, полезли на гору. Саня не спускал глаз с темных железных коробок. Две из них потихоньку еще коптили: пахло резиной и жареным хлебом. Заряжающий, схватив за рукав командира, повернул его влево. Саня увидел тридцатьчет-

верку с обгоревшим танкистом. Малешкину показалось, что на башне сидит веселый негр и, запрокинув назад голову, заразительно хохочет, а чтобы не упасть от смеха, держится за крышку люка.

— А это? — Ефрейтор повернул Саню направо. У дороги, зарывшись головами в снег, лежали рядышком офицер с солдатом.

— Их, наверное, пулемет срезал,— сказал наводчик.

Самоходки вскарабкались на гору. Саня оглянулся назад. Поле затянуло снежной пылью и дымом... Сквозь дым и пыль тускло и холодно смотрело плоское оранжевое солнце.

В селе опять остановились. Самоходчики соскочили с машин, потоптались около них и стали разбегаться по хатам.

Санин экипаж во главе с командиром бросился к большому, обшитому тесом дому с резными наличниками и высоким забором. Калитка забора была закрыта. Щербак перекинул через нее свою длинную руку и отодвинул защелку. По тропинке шли степенно, у крыльца остановились, переглянулись, почистили о скребок подошвы, робко поднялись по намытым ступенькам, осторожно открыли дверь. Просторные сени были на редкость чистые, и пахло в них медом и свечками. Домешек наклонился над Саней и прошептал в ухо:

— Наверное, здесь поп живет.

В комнаты вели две двери. Подергали одну — не открывалась. Дверь в конце коридора распахнулась легко и бесшумно. Прежде чем войти, стащили шапки, а уж потом несмело переступили порог.

Саня, как командир, вошел первым и приветствовал:

— Здоровеньки булы!

Со скамейки у окна, как тень, поднялась высокая женщина. Черная одежда висела на ней, как на палке. Она поднялась, поклонилась, опять села, не спуская с Сани сухих, колючих глаз. От ее цепкого взгляда Малешкину стало не по себе.

— Когда немцы ушли из села? — спросил Саня.

Мумия опять встала, опять поклонилась и опять села. Саня оторопел. Но тут из горницы вышла девица в яркой оранжевой юбке и легкой голубой кофточке с белыми пуговицами. Она прислонилась к косяку двери и посмотрела на Саню не то насмешливо, не то удивленно. «Ну и шикарна!» — с восхищением подумал Саня. Девица,

видимо, заметила, что офицер покраснел и потупился. Она самодовольно улыбнулась и как бы между прочим сказала:

— Наша бабушка глухая. А немцы ушли вчера вечером.

— Вчера здесь был бой? — спросил Домешек.

— Был... — И, помолчав, добавила: — Мы сидели в погребе.

Девица опять уставилась на Саню, на его кирзовые огромные сапоги, на погоны, смятые в гармошку, с одинокой тусклой звездочкой, и подавила улыбку. Саня люто возненавидел дивчину. Ее зеленые глаза показались ему злыми, а высокий лоб до противности умным.

Его экипаж тоже хмуро смотрел на девицу.

— А попить-то у вас можно? — спросил Щербак.

— А почему нельзя? — Девица прошла к посуднице, взяла кружку, зацепила в ведре воду и подала Щербаку. Когда он брал кружку, у него тряслись руки. Разве он в слово «попить» вкладывал прямое значение! Ему совершенно не хотелось пить, так же как не хотелось и Домешеку с ефрейтором.

— А вы, товарищ офицер, будете? — спросила девушка.

Саня взял кружку и тоже выпил ее до дна. Ему действительно хотелось пить. От обиды и возмущения у него все горело внутри.

Санин экипаж постоял еще минутку и, видя, что на этом гостеприимство закончилось, не прощаясь вышел. В сенях нарочно топали сапогами, а Щербак так хлопнул дверью, что оцинкованный таз сорвался с гвоздя и с грохотом покатился по полу.

Садовую калитку Щербак открыл ногой, да так, что она едва удержалась на петлях.

— Это уж ни к чему,— заметил Бянкин.

— Что «ни к чему»? — набросился на него Щербак.— Этих немецких шкур надо вверх ногами вешать.

— Почему же они немецкие шкуры? — удивился ефрейтор.

— Да по всему. Солдата-освободителя не накормить? Были бы бедные. А то какой дом, обстановка, шкаф, диван, медом пахнет, картошкой с мясом. У, гады! — И Щербак погрозил дому кулаком.

Домешек снисходительно похлопал Щербака по плечу.

— Это тебе наперед наука, Гришенька. Не ходи по

богатым домам. Добродетель, подобно ворону, гнездится среди развалин. Пойдем-ка в ту убогую хатенку.— Наводчик оглянулся на Саню и подмигнул: — А девочка-то дай бог, лейтенант...

— А чего в ней хорошего? Аптекарша какая-то,— буркнул Саня. Если б наводчик спросил его, почему аптекарша, он вряд ли ответил бы. Это слово случайно подвернулось на язык и так же случайно соскочило. Но Домешек не спросил: он, втянув голову в плечи, ринулся через дорогу к беленькой, с перекошенными окнами хатенке. В хату экипаж ввалился гуртом и сразу же, как ошпаренный, выскочил из нее. В хате на столе лежал покойник под холстиной, у головы и ног горели свечки. Около покойника старик в железных очках читал Псалтырь.

— Ужас как боюсь покойников, меня даже озноб пробрал,— сказал Домешек.

— Я тоже их боюсь,— признался Саня.

— Черт старый, нашел время умирать,— озлобленно проворчал Щербак.

— А почему ты думаешь, что это старик? — спросил его Бянкин.

— А кто ж еще в такое время умирает своей смертью?

Экипаж вытянул шеи и стал высматривать, где бы еще попытать счастья. Но в это время закричали: «По коням!»

Ефрейтор вытащил мешок с хлебом. Разрезал буханку, потом откуда-то извлек грязный, завалявшийся кусочек сальца, поскреб ножом и разрезал на четыре дольки.

— Голод — лучшая приправа к хлебу,— сказал Домешек и целиком отправил свою пайку в рот.

— Надо бы и Гришке пожрать. Ты его подменишь?— спросил ефрейтор наводчика. Домешек кивнул головой.

Малешкин без аппетита жевал хлеб и думал о богатом доме, о красивой неприветливой хозяйке и сам себя спрашивал: «Почему они такие жадные и черствые? Или действительно с фрицами якшались? Или она и в самом деле попова дочка?»

— А ты это здорово, Мишка, сказал, что добродетель гнездится в развалинах. Ты это сам выдумал? — спросил Саня.

— Читал где-то. А где — убей меня, не помню.

Малешкин с любопытством посмотрел на своего наводчика.

— Ты здорово начитанный. Почему тебя не пошлют в офицерское училище?

— Посылали, даже приняли, а потом выгнали.

— За что?

— Потому что я сугубо гражданский человек,— не без гордости заявил Домешек.

Бянкин усмехнулся:

— Он мечтает стать фигфаком.

— Сколько я тебе долбил, идиоту, что буду сапоги шить,— и Домешек запустил в ефрейтора коркой.

В конце этого длинного несчастливого села они увидели подбитую «пантеру». Снаряд попал в борт и проломил броню. Неподалеку от танка застрял в канаве бронетранспортер. В нем валялись зеленая с рыжими пятнами куртка и каравай белого хлеба. За поворотом дорогу перегородило самоходное орудие «фердинанд». Саня увидел его впервые и разочаровался. Пушка у «фердинанда» была обычная, как у «тигра»,— восемьдесят восемь миллиметров, с набалдашником на конце, и сам он походил на огромный гроб на колесах. Броня у «фердинанда» вся была во вмятинах, словно ее усердно долбили кузнечным молотом. Но экипаж, видимо, бросил машину после того, как снаряд разорвал гусеницу.

— Смотри, как его исклевали. Это он, гад, расколошматил наших,— заявил Щербак.

— Такую броню нашей пушкой не пробьешь,— заметил Бянкин.

— С пятидесяти метров пробьешь,— возразил Саня.

— Так он тебя на пятьдесят метров и подпустит!

Колонна стала подниматься на холм, поросший кустарником. Кустарник, видимо, рубили на дрова и вырубили как попало. В одном месте он был высокий и частый, а в другом — редкий, низкорослый. Тут зияла плешь, а там тянулась кривая лесенка. Вообще круглый холм походил на голову, остриженную для смеха озорным парикмахером. Но не это привлекло внимание самоходчиков. По холму взапуски носились зайцы, совершенно не обращая внимания на рев моторов и лязг гусениц. Кто-то по ним застрочил из автомата. Серый длинноухий русак перед Саниной самоходкой пересек дорогу.

— Ну, это не к добру,— сказал Щербак.

Саня тоже в душе ругал косого черта. А заряжающий равнодушно заметил, что стрелять их некому.

На горизонте, словно из земли, вылезала лиловая туча. Солнце, прячась под нее, разбрасывало по небу длинные красные полосы. Снег от них стал алым. И вдруг из тучи выплыл «юнкерс», за ним — второй, третий. Саня насчитал двенадцать. Они плыли медленно, гуськом и походили на огромных брюхатых стрекоз. Головной «юнкерс» внезапно, как по желобу, скользнул вниз, скрылся за лесом, а потом взмыл вверх, догнал последний бомбардировщик, пристроился ему в хвост и опять ринулся в пике. «Юнкерсы» описывали круг за кругом. Казалось, между небом и землей крутится гигантское чертово колесо. Взрывы доносились глухие, словно из-под земли. «Юнкерсы» отбомбились, а на смену им из той же лиловой тучи выползли «хейнкели», похожие на куцых ворон. Они шли еще медленней, а потом начали, как из мешка, сыпать бомбы. Им никто не мешал.

— Да,— вздохнул Саня.

— Да,— повторил ефрейтор.

— Сволочи,— чуть не плача, сказал Щербак.

Самоходный полк, не снижая скорости, шел туда, к темному, как изогнутая бровь, лесу, над которым безнаказанно развлекались фашистские стервятники.

Догнали артиллеристы. Грузовики, буксуя, тащили за собой зенитные пушки. В кузовах сидели артиллеристы, хмурые и равнодушные. Скуластый сержант с красным, обветренным лицом пиликал на губной гармошке. Звук ее сквозь шум моторов доносился до Сани, как писк комара. Когда самоходка почти впритирку проходила мимо «студебеккера», сержант надулся и, выпучив глаза, дунул. Гармошка дурным голосом закричала: «Караул!», а сержант расхохотался.

Потом обогнали батальон пехотинцев. Батальон, видимо, месил снег весь день. Солдаты брели цепью один за другим, упорно глядя себе под ноги. Позади всех ковылял маленький солдатик. Сначала Сане показалось, что шинель идет сама по себе, перекладывая с плеча на плечо автомат. Когда машина с ним поравнялась, из воротника шинели на Саню глянула совсем детская остренькая мордочка, на которой горели два черных с красными жилками глаза. И столько в них было злости и зависти, что Малешкин отвернулся. Впереди батальона в новеньком полушубке, опоясанный новыми ремнями,

энергично размахивая руками, шел капитан. Шапка у него сидела на затылке, а темные волосы свисали на лоб.

Уже темнело, когда полк достиг леса. Ухали пушки. Глухо рокотали гвардейские минометы. Сбоку истошно заревел немецкий шестиствольный миномет «ванюша». От взрыва Малешкин оглох. Щербак ринулся в люк, за ним ефрейтор. Миномет опять заревел. Саня бросился в машину и закрыл за собой люк. Взрыв был настолько сильный, что самоходку подбросило. Малешкин подбородком ткнулся в панораму и с кровью выплюнул на ладонь зуб.

— Один готов,— сообщил он.

— Кто? — спросил Щербак.

— Зуб.— Саня посмотрел на зуб.— Хрен с ним. Не жалко. Гнилой.

— А я располосовал фуфайку,— пожаловался Щербак.

Домешек оглянулся и оскалил зубы:

— Ну и дурак.

— Закрой люк! — закричал Щербак.

Наводчик, согнувшись над рычагами, не обращая внимания на ругань Щербака, вел самоходку с приоткрытым люком. Впрочем, стрельба прекратилась. Саня высунул из машины голову. Где-то гулко, как по пустому ведру, лупил крупнокалиберный пулемет. Но и он скоро смолк. Стало совсем тихо и совсем темно. Самоходка двигалась на ощупь, вплотную за машиной Теленкова.

— Эй, Саня, ты жив?! — закричал Пашка.

— Жив,— ответил Саня.— А ты?

— Тоже. У меня одну бочку с газойлем снесло, а другую осколками искромсало.

«Надо и мне посмотреть». Малешкин вылез и стал осматривать машину. Бочки стояли на месте, и целехонькие. Зато брезент на ящиках со снарядами превратился в кучу рванья...

— А у меня еще хуже. Брезент накрылся,— пожаловался Саня.

Теленков не ответил.

— Эй, Пашка, ты слышишь? У меня брезент накрылся.

— Слышу.

— А что ты делаешь?

— Ничего. А ты?
— Тоже.
— У тебя есть что-нибудь пожрать?
— Только хлеб. А у тебя?
— Тоже.

Полк остановился, и сразу же закричали: «Командиры батарей, к полковнику!»

Командиры машин сошлись покурить и, конечно, заговорили о налете «ванюши». Младший лейтенант Чегничка похвастался тем, что если бы он не уцепился обеими руками за край люка, то его наверняка взрывной волной сбросило бы с машины.

— А шапку унесло черт знает куда. Хорошая ушанка была.— Чегничка снял с головы шлемофон, с ненавистью посмотрел на него и опять нахлобучил до ушей.

Сане тоже почему-то стало жаль Чегничкиной офицерской шапки: шлемофон на Чегничкиной голове сидел, как конфорка на самоваре.

— Мда-а-а! — протянул Малешкин и озлобленно ругнул немецких минометчиков, по вине которых он остался без брезента.

Командиром первой самоходки на место Беззубцева срочно назначили лейтенанта Зимина, который до этого был при штабе на побегушках. Его машину огневой налет не задел ни одним осколком. Однако и Зимин не упустил случая похвастаться, как удачно избежал смерти:

— Если б я от вас не оторвался, меня бы «ванюша» как пить дать накрыл,— и, не получив ответа, добавил: — Видимо, фрицы пока решили повременить с этим телом,— он похлопал себя по груди.

Лейтенант Теленков тяжко вздохнул:

— Надолго ли, Вася? Лучше б ты служил при майоре Кенареве.

Зимин усмехнулся:

— А что же ты у него не стал служить?

Сане было известно, что Теленкову долго не доверяли машину и все это время он был офицером связи при начальнике штаба. Служба при майоре так надоела Теленкову, что он не выдержал, обратился к замполиту и заявил, что если ему не дадут машину, то он сбежит. Говорят, Овсянников накричал на него, но вскоре Теленкова посадили на машину. Трудно сказать, что здесь

сыграло роль — ходатайство ли замполита или ранение одного из командиров машин. Вероятно, и то и другое вместе.

Уловив в словах Зимина слишком прозрачный намек, Теленков щелчком подбросил окурок и, когда окурок, описав красную дугу, упал, ответил:

— Просто я был дурак тогда, Вася.

Саня давно заметил, что Пашка стал теперь совсем другим. Он как-то вдруг на глазах свял и потускнел. Стал жаловаться, что устал возмущаться, почему его до сих пор ни разу не ранило. Какой бы разговор ни завели, Пашка сворачивал на госпиталь, на кровать с чистыми простынями, под которыми можно спать сутками и не просыпаться. Саня поначалу считал, что Пашка не знает, куда девать себя от успехов, так внезапно свалившихся на его голову, а потому нарочно ломается и распускает жалость с тоской. Однако от слов «просто был дурак» у Малешкина неприятно екнуло сердце, и он понял, что этот отчаянный Пашка теперь страшно боится смерти. Саня посмотрел на темные силуэты самоходок, от которых несло холодом и газойлем. Ему тоже стало жутко. По обеим сторонам дороги плотной темной стеной стоял лес. Саня поежился, помотал головой и, придав голосу возмущение, спросил:

— А жрать-то мы сегодня будем в конце концов?

— Будем. Кухня на подходе,— отозвался из темноты комбат.

Он повел батарею на огневые позиции. Проехав по дороге метров двести, свернули в кустарник, четверть часа продирались сквозь него и наконец выбрались на поляну, на которой стоял бревенчатый дом. Беззубцев разбросал самоходки по поляне, указал секторы обстрелов и приказал немедленно закопать машины в землю.

Экипаж младшего лейтенанта Малешкина тихо охнул. Еще бы не охнуть! Это означало махать лопатой всю ночь.

Очертили границу капонира, взяли лопаты и стали соскребать снег. Работали молча, остервенело. А когда сняли мерзлый слой земли, Саня едва стоял на ногах и лом из рук сам вываливался.

— Головой ручаюсь, что это мартышкин труд. Вот увидите — завтра с рассветом отсюда уедем,— сказал наводчик.

— А где эта кухня проклятая шатается? — Щербак оглянулся, словно кухня должна была шататься у него за спиной. Но там, куда он посмотрел, взлетела ракета, гукнул миномет, а ему ответил автомат длинной трескучей очередью.

— Уверен, завтра чуть свет снимемся. А если останемся, то утром можно и дорыть капонир. Как вы на это смотрите, лейтенант?

Саня с радостью бы с ним согласился. Но он командир! А приказ есть приказ.

— Нельзя,— сказал он.— Теперь быстро пойдет, тут сплошной песок.

Однако сплошной песок не ободрил ни экипажа, ни его командира. Малешкин с завистью покосился на огонек в хате, отвернулся и опять посмотрел.

— Вы здесь покурите, а я схожу водички попью.

В дом сбежалась почти вся батарея с комбатом. Беззубцев со своими офицерами и солдатами ели картошку. Хозяйка с сержантом из экипажа Теленкова чистили еще. «Второй котел заваривают»,— догадался Саня. Под ногами шныряли ребятишки, выпрашивали сахар. Босоногий черноглазый пацан, схватив Саню за рукав, настырно клянчил:

— Дядько... цукерку! Коханенький, цукерку!

Саня отдал ему последнюю печеньицу. Малыш жадно схватил ее, шмыгнул на печку и оттуда закричал:

— Василь, дывись, чего я маю!

Василь, такой же босоногий, грязноносый, озорной, стремглав вскарабкался на печку, навалился на брата. Тот заревел: «Ма-а-а!»

— Василь, отчепись от Мыколы. Зараз бисов дрючком! — пригрозила хозяйка и, неизвестно к кому обращаясь, спросила: — Хиба ж це диты? Хто их тильки поганых наробыв?

Старший сержант, чистивший картошку, удивленно посмотрел на хозяйку.

— А разве они не ваши?

— Яки? Це вин? — спросила хозяйка, показывая на печку, и махнула рукой.— Та ж мои. Усю душу повытягали, чертяки.

Малешкин протиснулся к столу, выхватил из чугуна картофелину, покидал с руки на руку и, обжигаясь, проглотил. Потянулся за другой, потом за третьей. Чугун

опорожнили в одну минуту. А у Сани только разгорелся аппетит. Кажется, такой картошки он никогда еще не едал.

— Удивительно вкусная,— сказал он.

— Що такэ? — спросила хозяйка.

— Картошка.

— Цэ ж усе крахмал, як цукор,— похвасталась хозяйка.

Она поставила в печку второй чугун, подкинула дров. Никто не уходил. В доме было жарко, душно, дымно. Солдат разморило. Глаза сами закрывались. Саня потеснил Чегничку, пристроился на краешек скамейки около кровати. Он вспомнил об экипаже, подумал, что неплохо бы и им погреться, поесть горяченькой картошечки, и сделал было движение подняться и пойти к самоходке, но встать не хватило сил. Саня попытался бороться со сном. Вскидывал голову, мотал ею из стороны в сторону, но голова все тяжелее, тяжелее наливалась свинцом и наконец, перевесив Санино тело, свалилась на кровать.

Проснулся он от крика:

— Кухня приехала!

На столе стоял чугун с картошкой. Солдаты поспешно хватали ее, рассовывали по карманам и выбегали на улицу. Саня тоже выбрал пяток картофелин покрупнее, положил их в сумку и пошел к машине.

Самоходка стояла в капонире. Экипаж и не подумал углублять окоп. Только вырыл под машиной для себя яму и установил в ней печку.

— Вот черти, лентяи! — без злобы ругал Малешкин свой экипаж и полез под самоходку. Щербак спал, подвернув, как гусь, под бок голову. Наводчик с заряжающим вели разговор о вшах. Бянкин молча подал Малешкину котелок с пшенной кашей, полбанки свиной тушенки, хлеб и фляжку с водкой.

Саня потрогал котелок, наполненный до краев пшенкой-размазней.

— Мне одному?

— Если мало, у нас еще есть. Повар нынче добрый,— сказал ефрейтор.

— Гришка таких два умял. Чем ругаться да бороться, лучше кашей напороться,— продекламировал наводчик.

Саня потряс над ухом фляжку, понюхал, вспомнил

о зароке, поморщился и выпил из горлышка свои положеные сто граммов. Через минуту ему стало необыкновенно хорошо и весело. Аппетит разыгрался. В один миг он проглотил тушенку и налег на кашу.

Заряжающий с наводчиком возобновили разговор о вшах.

— Сейчас их не стало. Изредка попадется какая-нибудь заблудшая. А вот в сорок втором, когда я был в разведроте, там хватало.— Бянкин вздохнул, поскреб поясницу.— Командиром разведроты был у нас старший лейтенант Савич. Сорвиголова, балагур, в общем — душа человек. Сам из-под Ленинграда, из Колпина. Есть такой город.

— Точно, есть,— подтвердил Саня и, словно боясь, что ему не поверят, пояснил: — Там еще огромный завод. Я его видел из окна поезда, когда ездил с маткой в Ленинград. Ужасно длинный завод, километра три забор тянется.

Дождавшись, когда Саня кончит, Бянкин продолжал:

— Таких командиров один на тысячу. Бывало, выстроит роту и давай нас крыть разными выразительными словами. Удивительно, сколько он знал этих выразительных слов! У нас от них ноги одеревенеют и уши опухнут, а он все кроет и кроет. Заканчивал свою речугу он всегда такими словами: «Ну погодите, кончу пить, так я за вас возьмусь».

— А что, разве он так много пил? — спросил Саня.

— Не больше других. Это у него такая поговорка была.

Ефрейтор достал кисет с табаком. Саня с наводчиком оторвали от газеты по клочку бумаги. Бянкин всыпал им по щепотке махорки.

— А ведь убили нашего старшого,— прервал длительное молчание ефрейтор.

— А ля герр ком, а ля герр, — сказал наводчик.

Ефрейтор покосился на него и сплюнул.

— Возвращались с задания, прошли нейтралку, а на передке его фриц и стукнул. Мина ему под ноги угодила. Так без костылей мы его и схоронили. А какой был командир! — Бянкин закрыл ладонью глаза и, горестно качая головой, долго жалел своего покойного командира.

— Если толковать о вшах,— вдруг начал Домешек,— то ни у кого их столько не было, как у нас, когда

мы выбирались из окружения. Если будете слушать — расскажу.

Командир с заряжающим в однн голос сказали: «Давай».

Домешек свой рассказ начал из далекого прошлого. С марта тысяча девятьсот сорок третьего года, когда 3-я танковая армия попала под Харьковом в окружение. Рассказал, как сгорел у него танк, а его самого в городнщке Рогань прнютил сапожник и научил тачать сапоги.

— Сидим мы, работаем. Вдруг открывается дверь, вваливается немецкий унтер. Морда лошадиная, тощий и черный, как копченый сиг. Подошел к нам, поднял сапог с отвалившейся подметкой н сует в морду хозяину: «Гляйх... Шнель... Бистра. Дн тойфель!»

— Шо це такэ? — спросил Бянкин.

— «Сейчас, быстро, черти»,— перевел Домешек и продолжал: — Хозяин стащил с фрица сапог, стал приколачивать подметку. А немец уставился на меня, как гад на лягушку, а потом как рявкнет: «Вер ист ду?» У меня от страха волосы взмокли. Стою, молчу, не знаю, как отвечать. То ли по-немецкн, то лн по-русскн. А немец орет: «Кто ты?» — и ругается по-своему. Наконец я осмелился и сказал, что родственник. «Вас, вас?» — завопил фрнц. «Брудер,— сказал хозянн и показал немцу трн пальца,— драйбрудер, троюродный брат». Ну и хитрый же фрнц попался; стал фотографин на стенах рассматрнвать. Всю квартиру обошел, вернулся и тычет мне в грудь пальцем: «Юде!» Потом автомат с плеча снимает. Тут у меня откуда нн возьмись храбрость появнлась. Закрнчал: «Найн юда! Их бнн кавказец».— «Вн нст дайн наме?» — спрашивает немец. «Абрек Заур»,— ответнл я. Одно это имя кавказское и знал. И то потому, что такое кнно было.

— Точно, было,— подтвердил ефрейтор.— А что на это фриц?

— Да ничего. Натянул сапог, броснл на верстак алюмнннневую монету, погрознл мне пальцем: «Шён, шён, кауказус. Вир верден дих безухен, Абрек Заур» — и ушел. Через полчаса и я смазал пяткн.

Щербак зашевелился, поднял голову:

— А где вши?

— Ты не спишь? — удивился наводчик.— А зачем они тебе?

— А вот,— начал Щербак,— когда мы ехали в эшелоне на фронт, один механик-водитель, старшина, поймал вошь, выбросил ее из вагона и сказал: «Не хочешь ехать — иди пешком».

— Можно смеяться, Гришка? — спросил Домешек.

Саня закрыл глаза и увидел, как старшина снимает с воротника вошь, долго рассматривает ее, потом бросает на землю и говорит: «Иди пешком». «Не смешно,— подумал Саня,— глупо и противно».

Печка остывала. Угли подернулись пушистым пеплом. Переносная лампочка, свисая из нижнего люка, бросала на дно ямы холодный, мертвый свет.

«Который уже час горит переноска? И ничего. А попробуй я включить рацию, заорет, что опять аккумуляторы разряжаю». Саня хотел погасить переноску, но рука невольно потянулась к куче дров. Он набил печку дровами, завернулся в шубу и по привычке подвернул под мышку голову.

Осторожно, тщательно выговаривая слова, запел Щербак на мотив шахтерской песни о молодом коногоне:

Моторы пламенем пылают,
А башню лижут языки.
Судьбы я вызов принимаю
С ее пожатием руки.

На повторе Щербака поддержали наводчик с заряжающим. Домешек — резко и крикливо, Бянкин, наоборот,— очень мягко и очень грустно. Это была любимая песня танкистов и самоходчиков. Ее пели и когда было весело, и так просто, от нечего делать, но чаще, когда было невмоготу тоскливо.

Второй куплет:

Нас извлекут из-под обломков,
Поднимут на руки каркас,
И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас,—

начал Бянкин высоким тенорком и закончил звенящим фальцетом.

— Очень высоко, Осип. Нам не вытянуть. Пусть лучше Гришка запевает,— сказал Домешек.

Щербак откашлялся, пожаловался, что у него першит в горле, и вдруг сдержанно, удивительно просторно и мелодично повел:

И полетят тут телеграммы
К родным, знакомым известить,
Что сын их больше не вернется
И не приедет погостить...

Саня, закрыв рукой глаза, шепотом повторял слова песни. Сам он подтягивать не решался. У него был очень звонкий голос и совершенно не было слуха. Теперь Щербак с ефрейтором пели вдвоем. Хрипловатый бас и грустный тенорок, словно жалуясь, рассказывали о печальном конце танкиста:

В углу заплачет мать-старушка,
Слезу рукой смахнет отец,
И дорогая не узнает,
Какой танкиста был конец.

У Малешкина выступили слезы, горло перехватило, и он неожиданно для себя всхлипнул. Щербак с Бянкиным взглянули на него и залились пуще прежнего:

И будет карточка пылиться
На полке позабытых книг,
В танкистской форме, при погонах,
А он ей больше не жених.

Но сбились с тона: спели слишком громко, визгливо и тем испортили впечатление. Последний куплет:

Прощай, Маруся дорогая,
И ты, КВ, братишка мой,
Тебя я больше не увижу,
Лежу с разбитой головой... —

проревели все с какой-то отчаянностью и злобой, а потом, угрюмо опустив головы, долго молчали.

Первым поднялся наводчик.

— Надо пойти посмотреть,— сказал он.

Всем сразу тоже захотелось посмотреть. Вылезли из ямы, посмотрели... Ночь была темная, сырая, дул мокрый ветер. В доме ярко светились окна, а около двери словно из земли вылетали искры.

«Что же это такое там?» — подумал Саня, но так как ничего придумать не смог, то решил сходить и проверить.

— Сбегаю до комбата, поговорить надо.— Малешкину совершенно не о чем было говорить с комбатом. Но это был веский предлог посидеть в тепле, в обществе, скоротать время.

Не доходя до дома, Малешкин услышал рыкающий голос повара Никифора Хабалкина:

— Степаи, куды ты заховал кочережку?

— Що воио такэ? — спросил Степан.

— Кочережка — палка с железякой на конце, чем в печке ковыряют, рыло немытое.

— Ну що вин лается, як кобель,— проворчал Степаи и в сердцах пиул ногой пустое ведро.

Малешкии вежливо поздоровался с поваром. Никифор не обратил на него внимания. После комаидира части и своего иепосредственного иачальиика, помпохоза Андрющенки, он считал себя по зиачимости третьей фигурой в полку. Солдаты прозвали его Никифор Хамло. Однако Никифор свое дело знал. Старался, чтобы солдаты у иего были вовремя и сытно иакормлены. Нередко сам иа спиие под огием таскал мешки с хлебом и термосы с супом и при этом так громко ругался, что за километр было слышио.

— А что, Никифор, комбат Беззубцев здесь? — спросил Саия.

Вместо ответа Никифор крепко выругался.

В доме за столом сидели все четыре комбата. Они ужинали. Пашка Теленков заводил патефои. Он перевернул пластиику, и мембрана, хрякнув, затрещала, потом зашипела, потом задребезжала и, иакоиец, загнусавила:

Он был в плисовой, стал быть, рубашке
И фильдикосовых, стал быть, штанах...

На печке, свесив светлые лохматые головы, спали Миколка с Василем. Их мать сидела тоже за столом и грустно смотрела на густобрового кудрявого комбата второй батареи капитаиа Каруселина. У печки солдаты чистили картошку.

— Ты что, Малешкии? — спросил Беззубцев.

Саия замялся.

— Так... Пришел спросить, не будет ли каких приказаний.

— Нет. Иди к машиие.

— Эй, Малешкин,— окликнул Саню Каруселин,— хочешь выпить?

— Нечего ему тут делать, — запротестовал Беззубцев.

— Ладио. Пусть погреется пареиь,— поддержал Каруселииа комбат Табаченко.— Иди садись, Саня.

Комбаты потесиились, и Саня сел. Ему иалили водки,

положили на хлеб кусок американской консервированной колбасы. Саня взял стакан, подержал его, посмотрел на комбата и отставил в сторону. Беззубцев самодовольно ухмыльнулся.

Каруселин хлопнул Саню по спине:

— А ну-ка расскажи, как ты выкуривал интенданта.

Саня малость поломался для приличия и стал рассказывать. При этом так врал, что сам удивлялся, как у него здорово получается. Товарищи комбаты хохотали до слез и хвалили Малешкина за смекалку. Капитан Каруселин с ходу предложил Беззубцеву обменять Малешкина на любого командира машины из его батареи. Беззубцев решительно заявил, что сообразительные командиры ему и самому нужны. Это так ободрило Саню, что он расстегнул шинель, схватил отставленный стакан с водкой, лихо выпил, крякнул и сплюнул через выбитый зуб.

Теленков опять завел патефон, тоненький женский голосок завизжал:

Руки, вы две огромных теплых птицы...

— Заткни ей глотку, Теленков! — крикнул Каруселин.— Сейчас мы споем нашу. Валяй, Табаченко!

Табаченко начал валять, как дьякон, речитативом:

— Отец благочинный пропил полушубок овчинный и нож перочинны-ы-ый!..

— Удивительно, удивительно, удивительно...— подхватили комбаты глухими, осипшими басами. Сане показалось, что песня родилась не за столом, а выползла из-под пола и застонала, как ветер в трубе. У печки взлетел вверх необычно звонкий и чистый подголосок: «Удивительно, удивительно-о-о...»

У Сани даже заломило скулы от напряжения: так он боялся, как бы у солдата не сорвался голос.

— Ну и голосок, черт возьми! — скрипнул зубами Каруселин.— Валяй, Табаченко!

Табаченко валял... Комбаты простуженными басами дули, как в бочку, а подголосок звенел, падал и снова взлетал.

С шумом ввалился повар Никифор.

— Что вы, начальнички, панихиду завели? Других песен мало? — и, подергивая плечами, приседая, как на пружинах, пошел выковыривать ногами.— Хоп, кума, нэ

журыся, туды-сюды поверныся,— схватил хозяйку, завертел и, видимо, ущипнул.

— Отчепись, лешак поганый! — закричала она.

Микола с Василем проснулись и дружно заревели: «Ма-а-а-мка!» Комбаты стали одеваться.

Малешкин, Теленков и Беззубцев вышли вместе. Прощаясь, комбат сказал, что завтра одну из батарей придадут танковому полку Дея.

— Чью? — спросил Теленков.

— Пока неизвестно,— ответил комбат.

— Не завидую этим ребятам,— сказал Пашка.

— Почему? — удивился Саня.— Все говорят, что Дей — самый боевой командир в корпусе.

Теленков усмехнулся:

— Еще говорят, что в бою он не щадит ни себя, ни своих солдат.

Комбат вздохнул и ничего не сказал.

Лиловым утром четвертая батарея лейтенанта Беззубцева отбыла в распоряжение 193-го отдельного танкового полка. Он ночевал в трех километрах, на территории сахарного завода. Завод был наполовину разбит, наполовину сожжен и полностью разграблен. Двор завода был усыпан желтым, пахнущим свеклой песком. Щербак посмотрел на это безобразие и сказал:

— Сколько бы из этого добра самогонки вышло! Залейся.

Танкисты выводили машины на дорогу, выстраивались в колонну.

Четвертую батарею они встретили свистом.

— Славяне, глянь! Самоходы притащились.

— На що?

— Для поддержки.

— Якиий поддержки? Штанив? Га-га-га!

Прямо на машину Малешкина шла тридцатьчетверка с десантом. Водитель, видимо, и не думал сворачивать.

— Чего он хочет? — испуганно спросил Саня.

— Чтоб мы уступили ему дорогу,— ответил Домешек.

Танк подошел вплотную, остановился. Из люка высунулась голова водителя.

— Ты чего, падла, зевальник разинул?

— Пошел бы ты!..— крикнул Щербак.

— Сворачивай!

— Сворачивай! — заревел десант.

«Пахнет скандалом»,— подумал Саня и хотел приказать Щербаку сворачивать. К танку подбежал долговязый лейтенант в кожаной тужурке с меховым воротником. Он поднял руку и поприветствовал самоходчиков.

— Привет танкистам! — радостно ответил Саня.

Лейтенант подошел к люку водителя.

— Ты чего дуришь, Родя? Дороги тебе мало?

— А чего они, товарищ лейтенант...

— Разговорчики,— оборвал его лейтенант.

Родя сдал машину назад, на полном газу чертом проскочил мимо самоходки. На башне сбоку Малешкин успел прочесть: «Машина Героя Советского Союза лейтенанта Доронина». И ему стало стыдно, что не уступил дорогу. Домешек поморщился и махнул рукой, как бы говоря: «Ну и наплевать».

Подошло отделение автоматчиков. Рябой, как вафля, ефрейтор доложил Малешкину, что десант в количестве пятнадцати человек прибыл в его распоряжение. И в ту же минуту со всех сторон закричали: «Самоходчиков батя требует! Самоходы, к бате!..»

Саня приказал Домешеку заняться десантом, а сам со всех ног бросился к командиру полка.

Автоматчики, ни слова не говоря, полезли на самоходку. Такое самовольство Домешек расценил как личное оскорбление.

— Назад! — рявкнул он.— Кто здесь командир?

Рябой солдат вытянулся:

— Ефрейтор Рассказов.

— Построиться! — приказал наводчик.

Ефрейтор построил десант, подал команду «смирно», доложил.

— Здравствуйте, товарищи солдаты! — громко приветствовал Домешек автоматчиков.

— Здра...— нехотя ответили солдаты.

— Поздравляю вас с прибытием в славный гвардейский экипаж младшего лейтенанта Малешкина.

Десантники молчали. Домешек нахмурился.

— Что, разучились, как отвечать? Когда вас приветствует командир в строю, вы должны выразить восхищение, бурную радость. А как солдаты выражают бурную радость? — спросил наводчик и сам же ответил: — Троекратным громким «ура». Понятно?

Солдаты, сообразив, что сержант «валяет ваньку», дружно и оглушительно заревели «ура». На крик сбежались танкисты и стали с любопытством наблюдать, как самоходчики ломают комедию...

Домешек обошел строй.

На левом фланге переминался с ноги на ногу солдатик в непомерно широкой и длинной шинели. Если бы не огромная шапка над воротником, из-под которой выглядывала остренькая мордочка с черными глазенками, можно было бы подумать, что шинель сама стоит на снегу.

— А ты кто? — спросил Домешек.

— Солдат Громыхало.

— Как, как? Повтори, не расслышал.— Домешек снял шапку, наклонил голову.

Солдат напыжился и во всю мощь своих легких рванул:

— Громыхало!

Домешек отскочил и схватился за ухо.

— Ух ты, какой голосистый!

— У нас в деревне все голосистые, товарищ сержант,— радостно сообщил Громыхало.

— Откеля ты?

— Из Подмышек.

— Откуда? — удивленно протянул Домешек.

— Из деревни Подмышки Пензенской области,— пояснил солдат.

— Воевал?

— Нет ешо.

— Кто «нет ешо»? — строго спросил Домешек, обращаясь к десантникам.

Автоматчики дружно подняли руки.

— Прекрасно! — воскликнул Домешек.— Это и есть то, чего не хватало нашему славному гвардейскому экипажу. А теперь я вас инструктировать буду. Слушать внимательно и на ус мотать,— объявил Домешек.— Итак, что вы должны и не должны...

Десантники должны были выполнять все приказания экипажа и помогать ему: чистить машину, заправлять ее горючим, загружать снарядами, закапывать самоходку в землю, охранять ее, защищать и нести всю караульную службу. Не должны были десантники только пререкаться, роптать и возмущаться. После инструктажа Домешек стал обучать солдат правилам посадки де-

санта на машину и гонял их до тех пор, пока у автоматчиков не взмокли шапки. Потом милостиво разрешил им покурить и оправиться.

Ефрейтор Бянкин, наблюдавший за учением, сказал наводчику:

— Хорошо, что тебя из офицерского училища турнули. А то бы ты с солдата по пять шкур драл...

Домешек самодовольно ухмыльнулся и заявил Бянкину, что с него бы он все десять спустил.

Встреча с батей Саню Малешкина обидела. Не такой он ее представлял, не такие мечтал слушать слова. Герой Советского Союза полковник Дей вместо приветствия заявил, что он очень добрый и мягкий человек, а поэтому прощает батарее полчаса опоздания. Беззубцев заикнулся было объяснить, что он не виноват. Но Дей, сверкнув белками глаз, резко его осадил:

— Все, комбат. В бою минуты не прощу.

Скрипучим, железным голосом командир полка поставил перед батареей задачу, которая заключалась в поддержке самоходками танковой атаки.

— Запомните, самоходки должны двигаться за моими танками в ста метрах.

— Это не по уставу, товарищ полковник,— возразил Беззубцев.

Огромные белки Дея заметались, но он сдержал себя и как бы между прочим заметил:

— Мне тоже как-то доводилось читать устав, товарищ лейтенант. Сто метров, и ни сантиметра дальше. Понятно?

Беззубцев вытянулся:

— Так точно, товарищ полковник!

— Все. С богом!

Дей резко вскинул руку, резко повернулся и пошел вдоль колонны легко и быстро. За ним побежал адъютант, придерживая болтавшуюся сбоку планшетку.

Саня обиделся не на грубость полковника и не за жестокий приказ, а на то, что он не обратил никакого внимания на командиров машин, как будто их и не было. «А ведь не комбату идти за танками в ста метрах и не ему гореть, а командиру машины, а он даже не посмотрел на нас. Да какое ему дело до младшего лейтенанта Малешкина...» — думал Саня, возвращаясь к своей самоходке. Точно так же размышлял и Пашка Теленков, и Чегничка, и командир машины Вася Зимин.

4-я танковая армия генерал-полковника Гота пятилась нехотя, злобно огрызаясь. На этом направлении отступление прикрывал 2-й корпус СС.

У полковника Дея был категорический приказ командующего выбить немцев из местечка Кодня. На карте Кодня обозначена крохотным кружочком. И в этом кружке находились танки дивизии «Тотен Копф». Эсэсовцы сидели за броней в двести миллиметров и из мощной пушки расстреливали наши танки за километр, как птиц. Птица хоть могла прятаться, а танки полковника Дея не имели права. Они должны были атаковать и обязательно выбить. Вот что мучило с утра полковника Дея. Так простим же этому уже второй месяц не вылезающему из танка, исхудавшему, как скелет, полковнику, что он, углубленный в свои мысли, возмущенный непосильной задачей, не заметил Саню Малешкина, не улыбнулся ему, не кинул ободряющего слова.

Полк обогнул лесок на холме и, развернувшись в боевую линию, приготовился к атаке. Перед танками лежала унылая пустошь, поросшая чахлым кустарником, которую чуть-чуть оживляли молодые елочки и светлозеленые папахи можжевельника. За пустошью было поле, а за полем — село. Сквозь кустарник оно не проглядывалось. Но Саня знал, что там село, а в селе — немцы.

Впереди Саниной самоходки стоял танк Героя Советского Союза Доронина. Малешкин решил двигаться за ним. Это решение Саню и успокоило, и ободрило. Десантники, сбившись в кучу, жались друг к другу, курили, передавая из рук в руки цигарку. Из люка высунулся Домешек, посмотрел на них и, увидев маленького солдата, подмигнул:

— Ну как, Громыхало из Подмышек, боишься?

Громыхало застеснялся, вытер рукавицей нос.

— Немножко трясеть, товарищ сержант.

— Не дрейфь, Громыхало. Помни: как начнут фрицы лупить — сигай с машины в снег и зарывайся с головой.

— Как тятерка? — спросил Громыхало.

— Во-во, как тетерев-косач.

Подбодрив Громыхалу, наводчик взгромоздился на свой стульчак и прилип глазом к прицелу.

— Прицел обычный — восемьсот? — спросил он.

— На прямой,— ответил Малешкин.

Рация работала на прием. Саня включил внутрипереговорное устройство, проверил. Оно тоже работало отлично.

«Когда стоим, все как часы работает. А как поедем, сразу расстроится. Почему это так получается?» — спросил себя Саня, но ответить не успел: помешал голос комбата.

Беззубцев приказал приготовиться и по сигналу красной ракеты — вперед.

— Повторите, как меня поняли,— потребовал комбат.

— По сигналу красной ракеты — вперед,— отчеканил Саня.

Через минуту Беззубцев опять вызвал Малешкина и строго спросил, почему он не отвечает. Саня взглянул на рацию и обомлел. Разговаривая с командиром, он позабыл перевести рычаг на «передача». Он включил передатчик и доложил, что команду понял хорошо, а в первый раз не ответил потому, что забыл перевести рычажок, на что комбат укоризненно сказал:

— Как же ты, шляпа, со мной во время боя будешь держать связь, когда на исходной не можешь...

Этот глупый, досадный промах испортил ему боевое настроение. Малешкин приказал экипажу приготовиться к атаке: заряжающему зарядить пушку, десанту внимательно следить, когда взлетит красная ракета, а сам уткнулся в панораму.

Осип Бянкин открыл затвор, вытащил из гнезда бронебойный заряд, пошувыкал его, как ребенка, и со словами «пошел, милый» загнал в патронник. Затвор с лязгом закрыл ствол пушки.

— Пушка заряжена,— предупредил Бянкин наводчика.

Малешкин не отрывался от панорамы. Прошло еще пять минут, а сигнала к атаке все не было. «Чего стоим, чего стоим?» — шептал Саня. Мелькнула мысль, что в панораму он может и не заметить красной ракеты, а десантники ее прозевают.

Саня высунулся наполовину из люка. Автоматчики еще теснее сбились в кучу и все так же курили, передавая цигарку по кругу.

Повалил снег, крупный, мягкий и очень густой. И ничего не стало видно — сплошная белая тьма. Если бы ракета взлетела над головой Малешкина, он бы ее и не заметил. Руки у Сани дрожали. И он почувствовал, что

на него наваливается страх, хватает за горло, трясет и колотит. Саня уперся лбом в панораму и стиснул зубы. Но это ни к чему не привело. Его продолжало трясти и колотить. «Да что же это такое?» — чуть не закричал Саня, оторвался от панорамы, посмотрел на экипаж.

Заряжающий сидел на днище, спокойно курил и поплевывал. Домешек протирал стекло прицела. Щербак, сжимая своими лапищами рычаги фрикционов, согнулся так, будто приготовился к прыжку. Сане стало легче, но совсем успокоиться он не успел. Заскрежетали коробки передач, захлопали гусеницы.

— Танки пошли, лейтенант! — крикнул Щербак.

Малешкин даже не успел сообразить, что ему делать, как в наушниках раздался отрывистый и совершенно незнакомый голос комбата: «Вперед!»

— Вперед! — закричал Саня и прилип к панораме.

Щербак вел машину по следу танка. А снег валил и валил. Как Саня ни крутил панораму, как напряженно ни вглядывался в белую муть, ничего, кроме перекрестья и черных цифр на стекле, не видел. В конце концов Малешкин устал от напряжения и совсем успокоился.

Ему даже стало скучно. Разве он такой представлял себе атаку? Она рисовалась ему стремительной, до ужаса захватывающей. Самоходка на пятой скорости проносится мимо горящих танков, врывается в боевые порядки противника и все уничтожает и давит. Потом поджигают и его машину. Саня смертельно ранен. Верный экипаж вытаскивает его из самоходки и несет на шинели по глубокому снегу. А Мишка Домешек, смахивая слезы, говорит: «На войне как на войне». Вот так представлял себе младший лейтенант Малешкин свою первую атаку. «А это что? Ползем, как черепахи, друг за другом и ни черта не видим»,— с раздражением думал Саня.

Машина вдруг споткнулась и закачалась. Щербак, завалившись на спину, держал ее на тормозах. За броней кричали и ругались солдаты. Саня выглянул из люка. Его самоходка наскочила на танк и пушкой расшвыряла десантников. Один солдат барахтался в снегу и на чем свет стоит крыл самоходчиков. К счастью, обошлось без жертв. Танк, подобрав свалившихся автоматчиков, тронулся.

— Фу, черт возьми! — сказал Саня, вытер взмокший лоб и обругал водителя слепым верблюдом.

Снег не переставая валил и валил. Десант на машине превратился в грязную, бесформенную снежную глыбу. Внезапно справа и слева захлопали пушки. Выстрелы звучали резко и сухо, как будто где-то поблизости кололи дрова. Танк лейтенанта Доронина тоже начал стрелять. Саня приказал Щербаку отъехать в сторону и отдал команду: «Огонь!»

— А куда, лейтенант? Ни черта не видно,— сказал Домешек.

— Туда, куда и все,— и Саня неопределенно махнул рукой.

— Выстрел! — крикнул наводчик.

Пушка рявкнула и с грохотом выбросила из патронника гильзу.

Заряжающий с маху вогнал новый снаряд.

— Готово!

— Огонь! — крикнул Саня.

— Выстрел,— ответил Домешек.

Пушка опять ахнула, опять сверкнула гильза, и желтый, вонючий, как тухлые яйца, дым столбом пополз из люка.

— Готово! — доложил заряжающий.

— Стой! — сказал Малешкин, высунулся из люка, прислушался.

Стрельба прекратилась. Чуть слышно ворчали моторы.

«Ушли вперед»,— сообразил Саня, и ему стало по-настоящему страшно.

— Вперед, Щербак!

Щербак с места воткнул третью скорость. Самоходка понеслась и вскоре догнала танки. Лицо младшего лейтенанта Малешкина расплылось в широченной радостной улыбке.

— А здорово мы, братцы, стрельнули!

— В белый свет, как в копеечку! — захохотал Домешек.

Но тут Саня вспомнил, что он не на учебных стрельбах, не на полигоне, а в бою, в танковой атаке, и, собственно говоря, радоваться нечему, и, кроме того, он совсем забыл про связь с комбатом. Малешкин вызвал Беззубцева, и тот высыпал на его голову ворох матюков, Саня не обратил на них особого внимания. Но ког-

да комбат заявил, что он теперь понимает капитана Сергачева и полностью с ним согласен, Малешкину стало очень скучно. «Черт знает как мне не везет. Теперь этот грозит снять. Ну и пусть снимают, подумаешь, какая радость — самоходка». Но от одной только мысли, что его еще могут снять и отправить в резерв, Малешкину стало опять больно и обидно.

Не заметили, как танки вошли в село. И оказалось, все было напрасно: и атака, и стрельба, и ругань комбата. Немцы отошли еще на рассвете.

В бой вступили внезапно, с ходу за село Антополь-Боярка. Село раскинулось на снегу серым огромным треугольником.

Полк двигался походной колонной, и когда колонна вышла из леса, боевое охранение уже скрылось в селе за крайними хатами. Раздался треск, как будто переломили сухую палку. И в центре треугольника заклубился смолистый дым. Взлетела красная ракета, и танки стали стремительно разворачиваться.

Саня, в сущности, плохо понимал, что происходит. Комбат приказал не вырываться вперед и двигаться за танками не ближе, чем в ста метрах. Щербак же повис на хвосте впереди идущей машины. Тридцатьчетверка шла зигзагами, стреляя на ходу. За ней так же зигзагами вел самоходку Щербак. Саня не видел поля боя: мешала тридцатьчетверка. Саня приказал Щербаку отстать или свернуть в сторону. Щербак, не ответив, продолжал плестись за танком.

— Сворачивай! Что же ты делаешь? — кричал Малешкин.

— Сворачивай, гад, мне стрелять нельзя! — заревел наводчик.

Щербак оглянулся, кивнул головой и еще ближе прижался к танку. Саня понял, что водитель боится и из страха прячется за броню впереди идущей машины.

— Спокойно, ребята. Спокойно... Все будет в порядке,— сказал Малешкин, больше успокаивая себя, нежели ребят.

Суматошно закричали солдаты-десантники. Саня метнулся к люку. Автоматчики скатывались с машин. Маленький Громыхало, как слепой, метался с одной стороны на другую, потом лег ничком между ящиками и закрыл голову руками. Перед самоходкой на одной гусенице вертелся танк. Механик-водитель пытался выва-

литься из люка, но за что-то зацепился, повис и тоже вертелся вместе с машиной и дико кричал: «А-а-а-а-а!..» Из башни вырвался острый язык огня, окаймленный черной бахромой, и танк заволокло густым смолистым дымом. Ветер подхватил дым и темным лохматым облаком потащил по снегу в село.

«Что же я стою? Сейчас и нас так же...— мелькнуло в голове Малешкина.— Надо двигаться...»

— Вперед, Щербак!

Щербак повернулся к Малешкину. Саня не узнал своего водителя. У него в эту минуту лицо было без кровинки, словно высеченное из белого камня.

— Вперед, Гриша! Вперед, милый! Нельзя стоять! — с отчаянностью упрашивал Саня.

Щербак не пошевелился. Малешкин вытащил из кобуры пистолет.

— Вперед, гад, сволочь, трус! — кричали на водителя наводчик с заряжающим.

Щербак смотрел в дуло пистолета, и страха на его лице не было. Он просто не понимал, чего от него хотят. Саня выскочил из машины, подбежал к переднему люку и спокойно приказал:

— Заводи, Щербак.

Щербак послушно завел. Саня, пятясь, поманил его на себя. Самоходка двинулась.

— За мной! — закричал младший лейтенант Малешкин и, подняв пистолет, побежал по снегу к селу. В эту минуту Саня даже не подумал, что его легко и так просто могут убить. Одна мысль сверлила его мозг: «Пока горит танк, пока дым — вперед, вперед, иначе смерть».

В небо взлетела зеленая ракета — танки повернули назад. Малешкин не видел этой ракеты. Он бежал не оглядываясь. Он видел только село. Там фашисты... Их надо выбить! Таков был приказ. И он выполнял его.

Пригнувшись, он бежал и бежал. Бежать по присыпанной снегом пашне было очень тяжело. Ломило спину, рубашка прилипла к телу, пот заливал глаза. «Только бы не упасть, только бы не упасть». Он оглянулся назад. Самоходка наступала ему на пятки. Саня побежал быстрее.

— Лейтенант, лейтенант! — услышал он голос Щербака.— Садись, я сам поеду. Теперь не страшно.

Саня вскарабкался на самоходку и от усталости сва-

лился на ящики. Щербак включил пятую скорость, самоходка заревела и ринулась в село. У крайней хаты водитель остановил машину, выключил мотор. Перед ними была белая стена украинской мазанки, сзади белое поле. Четыре вырвавшихся вперед танка горели, остальные отходили к лесу. «Куда же я забрался, дурак»,— с ужасом подумал Малешкин.

Щербак, наводчик и заряжающий не спускали глаз с командира. В них Малешкин прочел не только: «А что дальше, лейтенант?», но и еще кое-что поважнее. Саня понял, что сейчас он выиграл самое важное сражение. Он завоевал экипаж. И теперь, что бы он ни приказал, все будет выполнено сразу и безоговорочно.

Но в эту минуту Саня еще не знал, чтó ему надо делать, чтó приказывать. А экипаж ждал, и что-то надо было предпринимать.

— Надо разведать,— сказал Малешкин.— Кто сходит?

Саня не сказал резко, как приказ: «Кто пойдет?», хотя чувствовал, что имел на это теперь полное право.

Домешек с Бянкиным переглянулись, и оба согласились. Саня почесал затылок. Кого послать? Экипаж должен всегда находиться в машине в полной боевой готовности. Мало ли что...

— Товарищи танкисты, у вас покурить нетути? — В башенном люке торчала огромная солдатская шапка.

— Ты кто? — удивленно спросил Малешкин.

— Солдат Громыхало, десантник.

— Зачем ты здесь? Почему не спрыгнул со всеми?

— Труханул малость,— чистосердечно признался Громыхало.

В общем, Громыхало из Подмышек для экипажа словно с неба свалился. Его и отправили в разведку. Громыхало вернулся подозрительно быстро и сказал, что в деревне горит хата, а ее никто не тушит, что зашел еще в две хаты, и никого в них нет.

— А немцев, фрицев ты видел? — в один голос спросил экипаж.

— Нет, не видел,— с искренним сожалением признался Громыхало и добавил: — А в избах тепло и пахнет щами.

— А чего же ты, ничего не разведав, так скоро вернулся? — строго спросил Малешкин.

— Боялся, что вы уедете.
— Дерьмо ты, Громыхало, а не разведчик.
— Какой уж есть,— обиженно пробормотал Громыхало.
— Что-то здесь нечисто, лейтенант. Уж больно тишина подозрительная. Чует мое сердце — нечисто. Поговори-ка с комбатом,— посоветовал ефрейтор.
«Опять про связь забыл!» — простонал Саня и бросился к рации.
— Алло, алло, Сосна? Я Ольха. Прием.
Ответил совершенно незнакомый голос:
— Это Ольха? Сейчас с вами будет говорить Орел. Как слышите, как поняли меня? Прием!..
Саня ответил, что понял и слышит хорошо.
«Орел» заговорил резким, скрипучим голосом. Лицо у Сани вытянулось, посерьезнело. Он узнал голос полковника Дея.
— Сообщите, где вы находитесь и где противник?
Саня сообщил, что он стоит за хатой, в селе тихо и противника он не видит. Полковник Дей приказал Малешкину следовать на северо-западную окраину села Антополь-Боярка, при движении соблюдать осторожность и обо всем докладывать.
В первую очередь надо было определить северо-западную окраину села. Но эта задача оказалась не такой-то простой. День стоял хмурый, а компаса у Сани не было. Спросить у полковника Дея он постеснялся. Тогда Саня решил, что если он по диагонали пересечет село, то как раз попадет туда, куда надо.
— Вот так давай, Гриша. Прямо по садам.— Саня рукой показал, куда ехать.
Экипаж занял свои места в машине. Громыхалу оставили наверху, приказав ему внимательно смотреть по сторонам.
Щербак вел машину, осторожно пробираясь меж яблонь, ломая густой вишенник.
— Тихо, тихо, не газуй,— шипел на него Домешек.
Объехали горящую хату. Она пылала весело, как стог сена. Пересекли улицу и увидели обугленную тридцатьчетверку. Она еще дымилась, и от нее сильно несло резиной. Остановились. Громыхало побежал к танку — посмотреть, где экипаж. Когда Громыхало вернулся и сообщил, что от экипажа остались одни головешки, Сане опять стало страшно.

— Как же нам теперь ехать? По дороге или огородами? — спросил Малешкин ефрейтора и, не получив ответа, приказал Щербаку пробираться огородами, прячась за хаты.

Самоходка поползла по бахчам, ломая заборы, подвигалась бросками от хаты к хате. Останавливались, прислушивались. Но было тихо, подозрительно тихо. У Сани от напряжения заломило в висках. Неожиданно хаты под углом повернули влево. Щербак остановил машину, вопросительно посмотрел на командира:

— Куда ехать, лейтенант?

— Надо подумать,— сказал Саня.

Малешкин давно уже потерял всякую ориентировку и ехал просто наугад. Подумали и решили опять послать Громыхалу в разведку, пообещав ему никуда не уезжать. Разведка Громыхалы состояла в том, чтобы сходить за поворот и посмотреть, что там есть. Малешкин доложил полковнику Дею, что остановился и послал в разведку солдата. Командир полка одобрил это решение и назвал Малешкина молодцом. Похвала ободрила Саню, и он подмигнул Домешеку:

— Держись, Мишка. Все идет как по маслу.

Из-за поворота, прижимая к груди шапку, выскочил Громыхало, запутался в полах шинели, упал, вскочил и со всех ног бросился к машине.

— Немцы. Танки. Огромные, с черными крестами.

— Где?

— Там.

— Много?

— Не знаю.

Малешкин сообщил командиру полка, что в селе фашистские танки. На вопрос Дея «сколько?» Саня ответил, что его разведчик не считал, а сам он их не видит. Дей потребовал проверить лично и доложить. Саня сказал: «Есть!» — и, прихватив с собой солдата, побежал проверять.

Громыхало не соврал. За поворотом сразу же открывалась площадь, окруженная хатами. На площади стоял немецкий танк Т-6 — «тигр». Саня выставил палец, прищурился и определил расстояние до «тигра».

«Метров двести, не больше»,— решил он.

Малешкин с солдатом зарылись в снег и стали высматривать. Но сколько они ни вглядывались, ничего,

кроме «тигра», не видели. Да и «тигр», повернув в обратную сторону пушку, не шевелился.

«Какой же я идиот, бинокль с собой не взял!» — обругал себя Саня.

Так они пролежали минут десять. Вдруг из хаты вышли два немца, расстегнули штаны, помочились и опять ушли в хату.

— Смотри, лейтенант, еще один,— зашептал Громыхало.

— Где?

— Вон там. Видишь беленький домик с палисадником? Набалдашник торчит.

Малешкин долго всматривался в направлении, куда показывал палец солдата, и наконец разглядел пушку с дульным тормозом.

— Все ясно, будем драться, Громыхало.

Это решение не испугало Саню; наоборот, осознав важность принятого решения, младший лейтенант Малешкин как будто сразу и повзрослел, и поумнел. Он хладнокровно огляделся и наметил две огневые позиции: основную и запасную. Основной была хата с высоким забором, запасная — тоже хата, только без забора. С первой Саня наметил уничтожить «тигра» на площади, со второй — танк за палисадником.

Вернувшись к машине, Саня доложил полковнику, что в селе немцы и что двух «тигров» он видел сам. На вопрос Дея, какое он, Малешкин, принял решение, Саня твердо и решительно заявил: «Уничтожить!»

— Добро! — сказал полковник Дей.— Начинайте, Малешкин. Мы идем на помощь.

Приказ командира полка придал Малешкину еще больше уверенности и хладнокровия. Он лично сводил Щербака с Домешеком за поворот, указал наводчику цель и разъяснил Щербаку, где поставить машину.

Все проверили, зарядили пушку, установили прицел.

— Учти, Щербак. На полной скорости выскакиваешь к хате с левой стороны. Мотор не глушишь. Сразу же включаешь заднюю скорость и ногу не снимаешь с педали главного фрикциона, пока я не подам команду «назад»,— еще раз предупредил Малешкин водителя.

Спокойствие и уверенность невольно передались и экипажу. Даже Громыхало расхрабрился и наотрез отказался слезть с машины.

— Приготовились,— сказал Саня и посмотрел на экипаж.

Домешек, держа ручку поворотного механизма, приник глазом к прицелу. Бянкин наготове держал в руках снаряд. Щербак не спускал глаз с лейтенанта.

— Давай, Щербак!

Водитель нажал кнопку стартера. Стартер зазвенел. Сане показалось, что ему воткнули в сердце гвоздь, в глазах потемнело. Щербак нажал еще раз, и мотор с треском захлопал. Самоходка рванулась к хате. Саня крепко прижался лбом к панораме. Когда машина выскочила из-за хаты и остановилась, Саня увидел «тигра». Он стоял там же, только теперь башня у него крутилась.

«Услышал нас, гад»,— подумал Саня и почувствовал, что его опять начинает трясти.

— Прицел готов,— доложил Домешек.

— Огонь! — крикнул Саня.

— Выстрел!

Когда дым перед пушкой рассеялся, Саня увидел, что танк по-прежнему стоит.

Малешкину стало жутко.

— Почему же он не горит? Наверное, смазали. Огонь, огонь! — заревел Малешкин.

После второго выстрела «тигр» тоже не загорелся.

— Почему он не горит? — спросил Саня.

У наводчика лязгали зубы.

— Не знаю.

— Дай я. Становись на мое место. Командуй.— Саня бросился к прицелу.

— Готово! — крикнул Бянкин.

— Выстрел...

Пушка громыхнула. Дым рассеялся. «Тигр» стоял на месте. Сане показалось, что он сошел с ума.

— Лейтенант, еще один. Бей, чего же ты ждешь! — закричал Домешек.

— Где же он? Да где же он? — кричал Саня.— Господи, да что же это такое? Ничего не вижу. То небо, то снег.

— Лейтенант, чего ты копаешься! Он уже разворачивается,— простонал Домешек.

Саня опомнился. Оказывается, вместо поворотного механизма он все время крутил подъемный. Он выругался и, выравняв пушку, поймал в перекрестке второй

танк. «Тигр», наставив на Саню свою пушку, раскачивал набалдашник.

«Сейчас нам конец»,— подумал Малешкин и, закрыв глаза, нажал рычаг спускового механизма.

Грохот пушки подействовал на Малешкина отрезвляюще. «Мы еще пока живы», — подумал Саня и закричал:

— Назад, Щербак!

Водитель схватился за рычаги. Самоходка дернулась назад, раздался оглушительный грохот: машину заволокло дымом.

— Горим!

— Горим? Где горим? — ничего не понимая, спросил Малешкин, словно от огня закрыв руками лицо.

— Выпрыгивай!

Бянкин бросился к люку, попытался откинуть крышку. Но она не поддалась, даже когда к нему на помощь подскочил Домешек.

— Капут нам. Заклинило,— сказал Домешек.

— Что же теперь делать? — спросил Саня.

Собственная смерть ему показалась необычной и страшной. Хотя они и горели, но огня не было, да и дым очень уж не походил на настоящий дым, и самоходка почему-то дребезжала, как будто двигалась.

Щербак ногой бил по крышке переднего люка.

— Защелку, защелку отожми! — кричал ему Бянкин.

Щербак дернул рукоятку защелки, и люк распахнулся. Первым вывалился из машины водитель, за ним — заряжающий, наводчик зацепился за что-то карманом. Бянкин схватил его за руки, дернул, и Домешек головой полетел в снег. Последним из машины кубарем выкатился Малешкин.

Со всех сторон стреляли танки. Снаряды с воем проносились над головами. Экипаж младшего лейтенанта Малешкина отступал по-пластунски. Впереди, как бульдозер разгребая снег, полз Щербак, за ним — Домешек, потом — Бянкин. Командир прикрывал отступление.

— Скорее, скорее...— подгонял себя Саня и вдруг остановился.

— Лейтенант, лейтенант, погодите! — кричал кто-то.

Малешкин оглянулся. За ними, размахивая автоматом, бежал Громыхало.

— Куда вы, лейтенант? Самоходку зачем бросили?

— Ты что, не видел, как она сгорела? — спросил Саня.

— Когда сгорела?! Вон она ездит.

То, что Малешкин увидел наяву, вряд ли могла изобрести даже его фантазия. Самоходка, нахлобучив на себя крышу хаты, ползла по огородам. И Малешкин все понял. Никто их не поджигал. Просто Щербак въехал в дом и протаранил его насквозь. Грохот свалившейся крыши они приняли за разрыв снаряда, а пыль от глиняных стен — за дым.

Его экипаж тоже ошалело смотрел на разгуливающую самоходку с крышей на спине.

— Щербак, почему она движется? — спросил Саня.

— Я поставил ее на ручной газ.

— Теперь мне все понятно,— сказал Малешкин и сурово посмотрел на экипаж.— К машине!

Они поползли обратно. Танки продолжали стрелять. Ударили по самоходке.

Снаряд, как огненный шар, налетел на машину. Во все стороны брызнули искры. Сане показалось, что снаряд разбился о броню вдребезги.

Самоходка прошла еще метров десять, потом завалилась кормой, задрав вверх пушку. Крыша с нее сползла.

— Почему она не горит? — спросил Домешек.

— Подождем малость, и загорится,— уверенно сказал Щербак.

Подождали минуты три, самоходка не загорелась.

— За мной! — приказал Саня, и экипаж послушно пополз за своим командиром.

Стрельба усилилась. Одна хата пылала уже вовсю, другая только что загорелась. В воздухе повис клокочущий залп «катюш», и вслед за ним, казалось, с оглушительным треском лопнуло небо. Взрывная волна оторвала Саню от земли и швырнула головой в снег под гусеницу. От тупой боли в локте рука онемела. Ничего не видя, ослепленный снежной пылью, Малешкин заполз под машину. Там уже сидел его экипаж. Самоходка, заехав в яму, образовала довольно-таки удобное укрытие. Саня протер глаза.

— Все целы? — спросил он.

— Пока все,— ответил Домешек.

— А где Громыхало?

Наводчик высунулся из-под машины:

— Вон лежит. Кажется, убили.

Саня посмотрел и увидел на снегу свернутую в комок шинель.

— Громыхало! — крикнул Домешек.

Комок зашевелился, из снега высунулась шапка.

— Вались сюда, Громыхало.

Громыхало кубарем скатился под машину.

— Ну как? — спросил его Домешек.

Громыхало заулыбался:

— Ничего. Чай, не попало.

— А где твой автомат?

Солдат испуганно посмотрел на Саню, на свои руки и заметался, выскочил из-под самоходки и побежал искать автомат.

— Надо и нам из машины достать оружие,— сказал Малешкин.

Щербак выругался.

— На хрен нам было забираться сюда? Не фрицы, так свои ухлопают тут.

Бянкин бешено оскалил зубы:

— Заткнись.

Опять заклокотали гвардейские минометы.

Снаряды с надрывным воем пронеслись над самоходкой.

— Это не наши,— облегченно вздохнул Домешек.

Второй залп накрыл впереди бугор с тремя хатами. Бугор вздыбился, две хаты сразу же охватило огнем, а третью разнесло в клочья. Высоко подброшенная доска долго и лениво кружилась в воздухе.

— Следующий залп наверняка будет наш,— сказал Щербак. — Возьмет в вилку и прихлопнет.

Домешек вздохнул:

— На войне как на войне.

Малешкин приказал наводчику достать из машины оружие с гранатами. Домешек через люк механика-водителя проник в самоходку и подал Бянкину три автомата. Щербак посмотрел на свой автомат и свистнул. Патронный диск насквозь пробило осколком.

— Посмотрели бы вы, что в машине творится! По радиостанции словно из дробовика шарнули. Гильзы снарядов порвало осколками, порох из них торчит, как солома. Хорошо, что они еще не сдетонировали,— сообщил Домешек.

— Это еще неизвестно, что хорошо, а что плохо,— философски заметил ефрейтор Бянкин.

— Гришке очень хотелось, чтобы они сдетонировали.

Щербак хмуро посмотрел на командира и буркнул:

— Ничего я не хотел.

Приполз с автоматом Громыхало. На вопрос Сани, где немцы, Громыхало ответил, что он на них не смотрел, так как все время автомат искал.

— Я его там шукал, а он здесь, около машины валялся,— хвастливо заявил Громыхало.

Заняли круговую оборону. С правой стороны гусеницы сел с автоматом Бянкин, с левой — Домешек. Сзади под трансмиссией посадили Щербака с гранатами, впереди лег сам Малешкин с Громыхалой.

Стало сравнительно тихо. Где-то далеко гудели моторы да изредка постреливали танки.

— А двух мы прихлопнули, лейтенант,— сказал Громыхало.

— Кого «двух»? — переспросил Саня.

— Два фашистских танка.

— Ври больше.

— Вот те хрест, товарищ лейтенант,— и Громыхало перекрестился.— Как вы зачали палить, я спрыгнул с машины и спрятался за угол. Гляжу, из первого танка выскочил один и побежал. А из хаты, у которой те мочились, ты знаешь, сколько выбежало фрицев? Тьматьмущая. Потом вы по другому стали стрелять. Из него тоже запрыгали фрицы. А потом меня чуть стеной не завалило. Если б не заехали в дом, знаешь, лейтенант, сколько бы вы танков настреляли! Они стали из-за каждой хаты выползать.

— Заливаешь ты, Громыхало,— сказал Домешек.

— А что мне заливать? — Громыхало обиделся и застрочил из автомата.

— Ты чего делаешь, сморчок сопливый? — заревел Щербак.— Хочешь, чтобы нас фрицы обнаружили!

— Ничего я не хочу, я просто автомат проверял,— сказал Громыхало и вдруг закричал: — Ура! Наши танки идут!

Малешкин с Громыхалой выскочили из-под машины, запрыгали, как дикари, размахивая автоматами.

Подошла тридцатьчетверка, из люка высунулся танкист и удивленно посмотрел на бесновавшихся самоходчиков.

— Вы что, пьяные? — спросил он.

— От радости пьяные! — закричал Домешек.

— Это ваша самоходка? — спросил танкист.

— Наша.

— А мы по ней стреляли. Думали, что это «тигр» на себе крышу таскает.

Тридцатьчетверка затарахтела и, обдав Саню вонючим дымом, поехала дальше.

— А что же нам-то теперь делать? — спросил Саня и вздохнул.

— Щербак, попробуй мотор, авось заведется,— сказал Домешек.

К неописуемой радости младшего лейтенанта Малешкина, кроме радиостанции и снарядов, больше ничего не пострадало. Снаряд угодил в башню, пробил броню и застрял под пушкой в боеукладке.

Сбросили с машины остатки крыши, покалеченные снаряды, дыру в башне заткнули тряпкой, и самоходка тронулась.

Проехав метров пятьдесят, Саня увидел площадь села, а на ней два подбитых «тигра». Около них стояли наши самоходки с танками, бегали солдаты.

«Мои «тигры»! Я их подбил!» На Малешкина волной нахлынула радость, выдавила слезу, он смахнул ее рукой и закричал:

— Давай, Гришка, прямо туда!

У первого «тигра» он увидел полковника Дея с комбатом. Саня спрыгнул с машины и, не зная, что поддерживать, то ли колотившую по ногам сумку, то ли собственное сердце, которое тоже колотилось, побежал. Метров за десять он перешел на шаг и, подойдя к командиру полка, щелкнул каблуками:

— Товарищ полковник, экипаж гвардии младшего лейтенанта Малешкина в бою за село Антополь-Боярка подбил два фашистских танка. В мою машину было одно попадание.— Саня запнулся, посмотрел на Дея.

Тот стоял перед ним чуть ссутулившись и внимательно слушал.

— Пострадала радиостанция и часть снарядов. Экипаж жив и здоров. Машина готова к бою,— четко доложил Саня.

Дей улыбнулся и поправил на голове Малешкина шапку.

— А чем ты докажешь, Малешкин, что вы подбили? Может, это сделали мои орлы? — спросил Дей.

— Нет, товарищ полковник. Мой экипаж подбил,— категорически заявил Саня и посмотрел на «тигра». Сбоку в башне зиял пролом. Саня протянул руку: — Посмотрите, товарищ полковник, чей здесь снаряд сработал? Наш, самоходовский. От ваших снарядов разве такая дыра? Во какая! — И Саня показал руками, какую дыру в его самоходке просверлили танкисты.— Не верите, товарищ полковник? Сходите посмотрите,— простодушно предложил Малешкин.

Дей поморщился. Смотреть на работу своих орлов ему, видимо, не очень-то хотелось.

— А почему вы, Малешкин, в село впереди машины бежали? — ехидно спросил полковник.

Саня не знал, что отвечать. Сказать правду — значит, с головой выдать Щербака.

Дей в ожидании ответа с любопытством разглядывал Малешкина.

Саня поднял на полковника глаза и виновато улыбнулся:

— Очень замерз, товарищ полковник, вот и побежал, чтоб согреться.

Поверил ли словам Малешкина Дей, трудно сказать. Только вряд ли. Он повернулся к Беззубцеву и скрипучим, железным голосом приказал:

— Комбат, доложите в свой штаб, чтобы Малешкина представили к Герою, а экипаж — к орденам.— И, уловив в глазах комбата удивление, еще жестче проскрипел: — Да, именно к Герою. Если б не Малешкин, бог знает, чем бы все это кончилось.

Полковник Дей легко повернулся и пошел своей прыгающей, птичьей походкой.

Приказ командира полка не сразу дошел до Малешкина, а когда наконец дошел, то ошеломил его. Окружающий его мир перед глазами сначала опрокинулся навзничь, а потом завертелся пестрым, радужным клубком. Саня зажмурился, помотал головой, открыл глаза. Солдаты вытаскивали из «тигра» эсэсовца в черной форме. «Зачем они его тащили, и откуда он взялся?» — машинально спросил себя Малешкин. Труп выволокли из люка, сбросили на землю. Он упал в снег около ног

Малешкина. Вместо лица Саня увидел сырой кусок мяса, а на рукаве — маленький алюминиевый череп. Саня присел на корточки, отодрал от рукава эмблему и долго, удивленно, ничего не понимая, рассматривал, а потом положил в карман.

Его кто-то потащил ко второму подбитому «тигру», кто-то повесил ему на шею великолепный цейсовский бинокль, кто-то сунул в руку парабеллум. А Саня бессмысленно улыбался и ничего не понимал. Прибежали Чегничка с Зиминым. Они набросились на Саню, обнимали, мяли, называли молодчиной и прочими приятными словами. И Малешкину казалось, что это необычайно удивительный и легкий сон. Он никак не мог представить себе все это реальностью. Так же как не мог понять, как он стал героем. Ведь он и не думал о героизме, когда бежал впереди самоходки, когда стрелял по фашистским танкам. Просто так надо было делать.

Пришел в себя Саня, когда Чегничка сообщил, что погиб Пашка Теленков.

— Кто? Кто? — испуганно переспросил Малешкин.

— Пашка сгорел с экипажем,— сказал Чегничка и отвернулся.

Легкий озноб пробежал по телу Малешкина, на секунду сжалось сердце, потом стало жарко. Только сейчас Саня понял, что сгорел не он, а Пашка, что героем стал не кто-нибудь другой, а он, младший лейтенант Малешкин.

— Очень жаль Пашку,— сказал Саня. Но сказал без печали за судьбу товарища. Он был слишком счастлив в эту минуту, чтоб о ком-либо печалиться. Он был переполнен счастьем, а для печали-жалости не осталось в его душе ни одного, даже крохотного, закоулка.

Часа два спустя взяли Кодню. Танковый полк в ожидании отставшей артиллерии с пехотой занял оборону. Противник не пытался контратаковать. И только наугад постреливал из минометов.

Экипаж Малешкина сидел в машине и ужинал. Мина разорвалась под пушкой самоходки. Осколок влетел в приоткрытый люк механика-водителя, обжег Щербаку ухо и как бритвой раскроил Малешкину голову. Саня часто-часто замигал и уронил на грудь голову.

— Лейтенант! — не своим голосом закричал ефрей-

тор Бянкин и поднял командиру голову. Саня задергался, захрипел и открыл глаза. А закрыть их уже не хватило жизни...

Саню схоронили там же, где стояла его самоходка. Когда экипаж опустил своего командира на сырой глиняный пол могилы, подошел комбат, снял шапку и долго смотрел на маленького, пухлогубого, притихшего навеки младшего лейтенанта Саню Малешкина.

— Что же вы ему глаза-то не закрыли? — сказал Беззубцев и, видимо поняв несправедливость упрека и бессмысленность вопроса, осердился и надрывно, хриплым голосом закричал: — За смерть товарища! По фашистской сволочи! Батарея, огонь!

Залп всполошил немцев. Они открыли по Кодне суматошную стрельбу.

1965

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КУРОЧКИН

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Повесть

Редактор *И. Плахотникова*
Художник *А. Сергеев*
Художественный редактор *Г. Саленков*
Технические редакторы *В. Флид, В. Никифорова*
Корректор *Т. Стельмах*

ИБ № 3880. Сдано в набор 14.06.84. Подписано к печати 9.08.84. Формат 84x108/32. Гарнитура литерат. Печать высокая. Бумага кн.-журн. № 2. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 5,14. Усл. кр.-отт. 5,25. Тираж 1 200 000 экз. Заказ 2105. Цена 30 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Росполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
445043, Тольятти, Южное шоссе, 30

Курочкин В. А.

К93 На войне как на войне: Повесть.— М.: Современник, 1984.— 96 с.

В пер.: 30 коп.

Эта повесть — о Великой Отечественной войне, о человеческом мужестве, о подвиге молодого офицера, отдавшего свою жизнь за Родину.

К $\frac{4702010200-274}{М106(03)-84}$ без объявл.

ББК84Р7
Р2

30 коп.